

Призрак белых ночей

Дарья Макарова

Дарья Макарова

Призрак белых ночей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70195915

SelfPub; 2023

Аннотация

Помогать ближнему – дело благородное. Но от доброты своей и погибнуть можно. О последствиях добрых дел Агата знает не понаслышке. Спасла раненого незнакомца – оказалась в эпицентре борьбы всемогущих мира сего. Вместе с сестрицей-авантюристой решила помочь в поисках пропавшей девушки – очутилась в паутине чужих тайн. А тут еще и призрак утонувшей в озере по соседству девицы то и дело сестер преследует... Но, несмотря на постигнувшие испытания и пугающие события, Агата веру в доброе и светлое не теряет. Верит она и в большую и истинную любовь, ради которой не страшно рискнуть всем на свете.

Дарья Макарова

Призрак белых ночей

Вам когда-нибудь казалось, что вы живете чужой жизнью? Что вам не место в собственном мире? Что каждый день – ошибка, пустая трата времени и сил?

Всю жизнь, с самого детства и по сей день, я жила «правильно». Убирала игрушки в комнате, делала уроки, закончила университет с красным дипломом и стала встречаться с «хорошим человеком» (так его называли мои родители).

На меня никто и никогда не давил. Родители давали полную свободу выбора (конечно, насколько это было возможно, учитывая их скромные возможности). Тирания – это чуждое нашей семье понятие. Опыт бабушки – сына врага народа – научил ценить свободу как свою, так и чужую.

И я выбирала то, что хотела. Да и, пожалуй, то, что от меня ждали – ведь разочаровывать семью я хотела меньше всего на свете.

Практически каждое принятое решение казалось правильным. Незначительные ошибки я считала необходимым опытом и, если хотите, испытанием, призванным закалить характер. В результате и те, и другие привели меня туда, где я есть сейчас.

У меня отличная работа – интересная, перспективная, с

завидной зарплатой. Мои коллеги – все сплошь профессионалы, и работать с ними большая честь (желание некоторых из них огреть чем-нибудь потяжелее я стараюсь игнорировать). Мне повезло с друзьями – их немного, но с каждым хоть завтра в разведку.

Я живу в небольшой, но уютной квартире с видом на Та-врический сад. Дедуля и бабуля отписали ее мне после того, как закончили строительство дома за городом и окончательно перебрались туда после выхода на пенсию.

Каждый отпуск я провожу в новой стране и возвращаюсь с чемоданом впечатлений и покупок – каждая девушка знает, что оба пункта чрезвычайно важны и друг без друга невозможны.

Одним словом, у меня все хорошо. Просто замечательно. «Правильно», как я и хотела, как хотели близкие.

Так откуда же взялась эта тоска? Вот уже год она терзает меня, стоит остаться с собственными мыслями один на один. Я не знаю ее причин и, что хуже, не понимаю, как избавиться. Слово заноза, она сидит во мне и тупой болью и беспокойством отравляет мой радужный тщательно выверенный мир.

– Чего грустим? – появляясь за моей спиной, спросила Ленка.

– Снег пошел.

– Ах, если бы, – брезгливо сморщила нос она, – это в облаках он снег, а на земле – непонятная грязь. Скорее б уже

весна.

– Еще только ноябрь.

– Я мыслю глобально. Стратегически, я бы даже сказала.

– Правильно. За это платят хорошо.

– Хорошо-нехорошо, а все равно не хватает. Вот как пройдешься по магазинам, так сразу и не хватает...

– Места в квартире?

– И его тоже. Гардеробная уже битком, а ведь только недавно радовалась, что она появилась. Даже не представляю, как я раньше шкафом обходилась.

– Умные люди говорят, что труд не только сделал из человека обезьяну, но и помог расширить жилплощадь.

Оглянувшись как по команде, мы обнаружили за нашими спинами руководительницу. Постукивая длинными светло-розовыми коготками по телефону, она не без ехидства наблюдала за нами.

– Пойду, попробую на практике, – поспешила улизнуть Ленка.

Я собралась последовать ее примеру, но в планы Изольды, а именно так звали начальницу, это не входило.

– Как отчет?

– Готов, – пожалала я плечами. – Проверю еще раз на свежую голову и пришлю вам.

– Умничка, Главный только через четыре дня ждет, – довольно кивнула она. – Он, кстати, хорошо о тебе отзывался.

– Спасибо ему. И вам.

– Иванко в Мюнхен переводят, знаешь об этом?

– Слухи давно ходят, – не стала отрицать я.

– Ох уж эти слухи, – хохотнула она и без перехода добавила. – Я рекомендовала тебя на его место.

– Меня?!

– Кого же еще? – высоко подняла бровь она и, уходя, добавила. – Во вторник в десять у тебя собеседование.

Постояв пару минут в оцепенении, я вернулась к себе. Ленка тут же нарисовалась у моего стола.

– Чего Изольда хотела?

– Отчет просила прислать.

– У тебя же еще сроки не вышли!

– Ага.

– Что за свинство! Работодатели совсем...

Дальше последовала длинная речь, которую я слышала не раз и буду слушать еще не один год. До самой пенсии. От Ленки или еще кого-то – неважно. Как там в школе учили? От перемены мест слагаемых сумма не меняется?

Не дождавшись должной поддержки, Ленка обидчиво поджала губы и ушла. Я же в который раз попыталась разобраться в себе. Мне, конечно же, сейчас следовало радоваться и волноваться возможным переменам и предстоящему собеседованию. Это великолепная возможность, интересный опыт и весомая прибавка – все так. Все *правильно*. Как *должно* быть.

Но что изменится? Я перееду в новый кабинет, сменю

должность и функционал. А... дальше?

В том-то и проблема, что ничего. Суть неизменна. Я остаюсь той же, и непонятные, а оттого пугающие и щемящие мысли, будут со мной. Все также, все о том же. Тягучая и бесконечно однообразная рутина.

Я знала точно, что, смени я работу, сферу, поменяй квартиру или даже страну, – ничего не изменится. Иногда мне казалось, что где-то когда-то потерял кусочек моей души и без него мне нет ни места, ни покоя в этом лучшем из миров.

Сплошная мелодрама – с ней явно пора завязывать. Но как?

Я раздраженно отшвырнула карандаш. Он прокатился по столу и замер на краю стола.

Тут же послышался голос коллеги:

– Не буянь.

Оставшееся время я провела уткнувшись в компьютер. О конце рабочего дня, вернее недели, меня возвестила все та же Ленка. Облокотившись на мой стол, она томно сказала:

– Идем, красавица, нас ждут подвиги.

– Какие подвиги? – хмыкнула я. – Ванькиному сыну пяточки обмываем. Все должно быть чинно и благородно.

– Это до десяти, – не стала спорить она. – А после как пойдет...

Точно зная, что от приключений в обществе коллег, как и всегда, сумею улизнуть, я улыбнулась и поспешно собралась.

В статусе молодого отца Иван, коллега из отдела ауди-

та, пребывавал всего неделю. Радовался своему счастью непомерно и недосыпа пока не чувствовал. Получив от коллег несколько пухлых подарочных конвертов, он дождался пятницы и повез всех в небольшой ресторанчик в центре, по соседству с офисом.

Застолье было приятным, но недолгим. На второй час все разговоры вновь свелись к работе, и праздник стал больше походить на совещание. Я протерпела еще пару часов и, сославшись на семейные повинности, отправилась домой.

От ресторана до моего дома пешком было минут двадцать. Снег поутих, прекратился и ветер. Мокрые улицы радовали редкими прохожими и вечерними огнями.

Я не спеша брела знакомой дорогой. Любимая музыка играла в наушниках. Усталость медленно, но верно брала верх. Мысли замедлялись, ощущения притуплялись.

Откровенно говоря, никаких семейных дел на сегодня не было. Скоро месяц как я рассталась с «хорошим человеком» и жила одна. Несмотря на то, что вместе мы были около шести лет, это обстоятельство нисколько меня не расстраивало.

Мой экс-избранник действительно был отличным парнем. Если бы кто-то решил сравнить наши характеры и привычки, то совпадение было бы процентов девяносто, наверное. Замечательная пара – когда-то это было про нас.

Я не смогу сказать, что и когда изменилось. Однако в какой-то момент я отчетливо поняла, что не могу быть рядом с ним. Мы не ссорились и не ругались, он не обижал меня и,

тем более, не изменял. Но...

Близкие люди видят тебя как на ладони – в этом самая большая сложность. Он был бы не против оставить все как есть, но не знал, чем мне, нам, помочь. Не знала и я.

Наш последний разговор болью отозвался в груди. Я нахмурилась и прибавила шаг.

Вход в мой подъезд был со двора. Арку, через которую когда-то въезжали экипажи, ограждала кованая решетка с домофоном. Бдительные соседи всегда тщательно следили за тем, чтобы она была закрыта и никто чужой во двор не попал.

Замешкавшись в поисках ключей, я остановилась. В этот момент чья-то сильная рука схватила меня за талию и мужской голос хрипло произнес:

– Давай внутрь, быстро.

Умные женщины в такой ситуации начинают голосить что есть мочи и брыкаться – я в кино видела.

Я же, как стало понятно дальше, к их числу не относилась (умной, то есть не была). Словно под гипнозом, открыла домофон и вошла в арку.

Чугунная дверь с шумом захлопнулась, мужчина резко навалился на меня, прижав спиной к стене.

Тут-то и проснулся инстинкт самосохранения– набрав побольше воздуха, я собралась завизжать. Но, удивляя саму себя, остановилась. Дальнейшие действия мужчины были нелогичны.

И не надо смеяться. Именно так – нелогичны.

Он не делал никаких попыток нанести ущерб моей девичьей чести или кошельку. Вжав меня в стену, он все внимание сосредоточил на улице. Я тихо пискнула:

– Отпустите, а то закричу.

– Кричи.

Нарушитель моего спокойствия даже не посмотрел на меня. Его лица из-за перегоревшей в арке лампочки я тоже разглядеть не могла.

Потеряв остатки разума, я все также тихо прошипела:

– Вы ведете себя возмутительно. Мои соседи могут решить...

– Что у тебя насыщенная половая жизнь.

– Хам!

Гневно рыкнув, я попыталась вырваться. Он с силой зажал мне рот и еще больше навалился. Кажется, этот сумасшедший тип явно решил стать со стеной единым целым. Только причем же здесь я?!

– Помолчи, – едва слышно сказал он. – Ничего я тебе не сделаю. Отпущу домой, к маме.

Верить такому гнусному типу – последнее дело, так во всякой книжке написано. Я и не верила. Вращала глазами и пыталась решить, что делать дальше.

Тут я и заметила этих двоих. Мужчины ничем примечательной наружности, в как под копирку сшитых кожаных куртках пробежались по улице. В свете фонарей их было видно идеально, нас же скрывала темнота арки.

Подергав за решетку, один из них грязно выругался и недовольно сказал:

– Заперто. Сюда уйти не мог.

– Куда тогда?

– А я знаю!

– Вряд ли далеко... я его зацепил, кажется...

– Кажется, – передразнил первый и вытер пот со лба. При этом в его руке я отчетливо увидела пистолет.

– Михай с нас шкуру снимет.

Упоминание неведомого Михея сказалось на мужчинах самым лучшим образом. Они принялись оглядываться, а потом и вовсе побежали на поиски неизвестно кого в разные концы улицы.

Хотя, почему это неизвестно кого? Очень даже известно. Я как могла гневно посмотрела на незнакомца и тут же тяжело вздохнула. Моего взгляда он в темноте даже не видел, только зря старалась.

Меж тем, обжигая меня дыханием, он тихо сказал:

– Я сейчас тебя отпущу. Ты пойдешь домой и будешь сидеть очень тихо и даже не подумаешь кому-нибудь звонить или рассказывать, что здесь произошло. Поняла?

Я отчаянно закивала и даже что-то промычала в знак согласия. Против ожиданий, мужчина действительно ослабил хватку, а затем и вовсе отошел на шаг.

Большого мне и не надо было. Рванув так, что только каблуки сверкнули, я побежала к родной парадной и, забыв про

лифт, взлетела на третий этаж.

Закрыв дверь на все замки, то есть на замок и щеколду, я плюхнулась на пуф и ошалело огляделась.

– Что это такое было?!

Как ни странно, родные стены искомого покоя не принесли. Я все еще чувствовала себя в той же пугающей темноте. Страх увидеть вновь тех двоих креп во мне с каждой секундой. Парадоксально, но встреча с незнакомцем пугала гораздо меньше.

Жалобно всхлипнув, я заметалась по холлу и только тогда обратила внимание на свои руки.

– Что за черт?! – гневно выругалась я, а поймав свое отражение в зеркале, и вовсе потеряла дар речи.

Мои руки и пальто были сплошь в крови. Особого ума не надо, чтобы понять – виноват незнакомец. Навалившись на меня, он измазал некогда белоснежное пальто.

Как там сказал один из его преследователей? «Я его зацепил...». Черт, да он ранен!

Малодушная мысль вызвать врачей и отсидеться дома ждать себя не заставила. Вслед за ней пришла и другая – крови слишком много. До приезда скорой он может и не дожить.

Не понимая и даже не пытаюсь понять, что делаю, я помчалась обратно. Но стоило вновь оказаться во дворе, как удали во мне поубавилось – вернулся страх. Я оглянулась по сторонам. Свет горел практически во всех окнах, значит соседи дома.

Только есть ли в этом толк? Если я и звука издать не успею, не то, что на помощь позвать. А тут еще двое вооруженных головорезов вокруг рыскают. Да и мой знакомец на агнца явно не тянет.

Отчаянно стуча зубами от страха, я все же подкралась к арке. В надежде, что мужчина успел скрыться, робко заглянула в нее и тут же отшатнулась.

Прижавшись спиной к шершавой стене дома, я уставилась в небо. А на нем ни звёздочки – все тучами заволокло.

Нужно было решаться. Но как же страшно...

Приблизившись на безопасное расстояние, я позвала:

– Есть здесь кто-нибудь...?

Ответа не последовало. Закусив губу, я сделала еще пару шагов.

– Вам скорую вызвать?

Тишина. Кажется, незнакомец потерял сознание. Или притворяется... Решив проверить догадку, я сказала:

– Если скорая не нужна, я тогда в полицию позвоню...

– Иди-ка ты, деточка, куда шла, – буркнул он.

– И пойду, – обиделась я. – А вы тут кровью истекайте и тех двоих ждите.

Демонстративно сделав пару шагов в сторону, я услышала злое:

– Тебе больше заняться нечем?

– Удивитесь, но есть. И, в отличие от вас, мои хобби с подворотнями не связаны и ближним не вредят.

Он засмеялся, но смех его резко оборвался. Не удивлюсь, если от острой боли.

– Если обещаете вести себе прилично, постараюсь помочь и никому о вас не расскажу.

Он протянул мне руку и хрипло сказал:

– Помоги встать.

Мое пальто уже безнадежно испорчено, и терять было нечего. Собравшись с силами, я ухватила его за руку и потянула на себя. Со второй попытки мне это удалось. Взмокнув, я пробубнила:

– Дома вас явно хорошо кормят.

– Извини, – ответил он, и голос казался виноватым.

Кое-как добравшись до лифта, мы доехали до нужного этажа. Квартиру я запереть не потрудилась, посему время на поиски ключей тратить не пришлось. Дотащив гостя до кухни, я усадила его на стул и, схватив полотенце, поспешила к лифту.

Светлая поверхность кабины была сплошь перемазана кровью. Соседи явно не должны платить спокойствием за мой авантюризм. Я быстренько оттерла пятна и поспешила к незнакомцу. Еще не хватало, чтобы он умер прямо у меня на руках. Объясняй потом полиции...

Бросив пальто на пол в коридоре и стянув сапоги, я, с непонятно откуда взявшимся спокойствием, заглянула на кухню и спросила:

– Вы еще живы?

– Еще да.

– Супер.

Потратив несколько минут на поиски, я вытащила из недр кладовки аптечку и несколько чистых полотенец. Гость терпеливо ждал моего возвращения в той же позе, в которой я его и оставила.

Водрузив все необходимое на обеденный стол, я подозрительно покосилась на мужчину. При ближайшем рассмотрении незнакомец оказался красавцем и в профиль, и в анфас. Тонкие аккуратные черты лица, пушистые ресницы скрывали взгляд темных глаз. Густые черные волосы тяжелыми прядями упали на лоб. Одним словом, не парень – мечта любой девчонки. Голливуд бы оценил.

Вспомнив о фабрике грез, сразу подумалось, что играть ему пришлось бы исключительно итальянских мафиози.

Поймав мой настороженный взгляд, он из последних сил улыбнулся и сказал:

– Я обещал вести себя прилично. Слово свою держу. Всегда.

– Видимо, за эту пагубную привычку в вас и стреляли.

Он едва слышно засмеялся. И, всматриваясь в мое лицо, насмешливо спросил:

– На самом деле ты совершенно не хочешь знать, что произошло. Так?

– Верно. Это вам знать нужно – как минимум для выживания полезно. Меня же не касается.

Достав из аптечки необходимое, я разложила все в ряд и поставила чайник. Незнакомец внимательно следил за моими приготовлениями. Кивнув на аптечку, представлявшую собой внушительного вида саквояж, спросил:

– Ты врач?

– Нет.

– А-а-а, понял, подбираешь беззащитных мужиков по подворотням и ставишь эксперименты...

– Это вы-то беззащитный? – возмутилась я чужой наглости.

– Из каждого правила есть исключения.

– Вы тому явное подтверждение. По подворотням я только котят подбирала, да и то в детстве, пока мне про последствия лишая не рассказали.

– И что же, борьбу за сырых и убогих пришлось бросить?

– Борьба – это для революционеров. Я дома с книжкой сидеть люблю, баранки лопать.

– Но медикаменты чемоданами хранишь.

– У меня вся семья – сплошные медики. Чемодан бабушкин – она детский реаниматолог. И все привыкла держать под рукой.

– Ты, значит, по стопам родных не пошла?

– Если есть сомнения в моих способностях, могу...

– Никаких сомнений, – заверил он. – Доверяю безгранично.

Покачав головой, я приблизилась и уже серьезно сказала:

– Я сейчас попробую снять куртку и рубашку. Ваша задача – сидеть ровно и не шевелиться.

– Есть, босс.

– Вот и правильно. А то мне и так страшно. Да и кровь хлынуть может.

– Не дрейфь, прорвемся.

Я налила в кастрюлю воды из закипевшего чайника и, закусив губу, принялась стягивать с него одежду. Делом это оказалось нелегким – ибо с перепугу собственные руки не слишком меня слушались. Незванный гость держался молодцом – сжав зубы, терпел боль и старался не дергаться.

Справившись с одеждой, я вздохнула с облегчением. Но отметив как побледнело его лицо, заставила себя поторопиться. Сев вплотную к незнакомцу, я внимательно осмотрела рану.

– Жить буду? – не то шутя, не то всерьез спросил он.

– Точно не знаю, – честно сказала я. – Одна пуля застряла в плече, вторая прошла навывлет. Если жизненно важные органы не задеты – все будет хорошо. Но я бы не стала рисковать и вызвала...

– Ты справишься, – сказал как отрезал незнакомец. Поймав его взгляд, возразить я не решилась.

– Ценю ваше доверие, – вздохнула я. – Пулю надо вытащить. Вам будет очень больно, но постарайтесь обойтись без резких движений.

Я пристально посмотрела ему в глаза, пытаюсь понять, го-

тов ли он к подобному. Едва заметная улыбка тронула его губы.

Призвав на помощь все силы небесные, я вколола ему словенскую дозу обезболивающего и принялась за работу.

– На счет три тяну пулю. Считаем вместе. Готовы?

– Да.

– Раз, два...

Звериный рык разлетелся по квартире. Я не обратила на него особого внимания. Бросив пулю на стол, занялась раной, которая стала отчаянно кровоточить.

Парень вел себя молодцом. Больше не издавал ни звука, резких движений не делал и с дурацкими комментариями не лез.

Накладывая последний шов, я услышала:

– Договорились же на три...

– Нашли кому верить. Женщин что ли не знаете?

Со второй раной все обстояло куда лучше. Я быстро обработала ее и зашила. Некоторое время спустя, оттерев последние капли крови с его груди и наложив повязку, устало сказала:

– Кажется, все.

Он поймал мою руку, а я испуганно отшатнулась. Незнакомец понимающе улыбнулся:

– Я тебя *никогда* не обижу.

– Спасибо, конечно, но вам пора уходить.

– Ты мне жизнь спасла, и я бы хотел...

– Лучшая благодарность – забыть меня и дорогу в мой дом.

Незнакомец кивнул, соглашаясь. Чувствовалось, силы его на исходе.

– В куртке мобильный. Подай, пожалуйста.

Просьба не удивила. Куртка хоть и лежала в метре от него, но взять ее и не потерять сознание от боли и кровопотери – труд немалый.

Помня о том, что рыться в чужих карманах неприлично, я послушно протянула ему куртку. Он усмехнулся и взял ее.

Решив, что слушать чужие разговоры не желаю (меньше знаешь – лучше спишь), я ушла в комнату. Он закончил довольно быстро и позвал:

– Эй...

– Сами вы эй, -появляясь, сказала я.

– Я твоего имени не знаю, -устыдился он.

– Нападая на девушек в темных дворах, вы обычно его не спрашиваете?

– Это я от неопытности. Ты у меня, знаешь ли, первая.

– Сочту за честь.

Он весело фыркнул и, заметив вещи в моих руках, спросил:

– Что это?

– Одежда. Ваша явно ни на что не годна. А нагишом холодновато. Хотя, вам виднее.

– Твой парень возражать не станет? – прищурившись,

спросил он.

– *Вам* об этом беспокоиться не стоит.

Одевшись с моей помощью, он поплелся к выходу. Я с опасением смотрела за каждым его шагом – чувство, что он вот-вот рухнет как подкошенный, не покидало.

Когда же я окончательно поверила, что он сейчас исчезнет по ту сторону двери, незнакомец резко развернулся. Я едва не уткнулась в него носом и испуганно замерла.

То, что коварного нападения ожидать не стоит, стало понятно практически сразу. Он всматривался в мое лицо и силился что-то сказать.

Пауза затягивалась, я решила ему помочь:

– Не мучайтесь. Идите своей дорогой и не оборачивайтесь. Вы ничего мне не должны.

Он протянул руку и, едва коснувшись моей щеки, сказал:

– Звать-то тебя как?

– Как вам больше нравится, – чувствуя непонятное беспокойство, нахмурилась я и поспешила отстраниться. – Вам пора. Трамваи поздними вечерами не ходят.

Он засмеялся и вышел, я же поспешила запереть дверь. Прислонившись к ней спиной, прикрыла глаза. Я не слышала шагов и каких-либо звуков, способных подсказать, что на лестничной клетке кто-то есть. Однако, учитывая толщину стен в моем доме и добротность двери, это нисколько не удивляло. Особенности моего дома также вселяли надежду на то, что соседи тоже ничего не услышали и, как следствие,

не заподозрили.

Но спровадить незнакомца – это полбеды. Еще необходимо уничтожить следы его пребывания в квартире, и сделать это нужно немедленно.

Подгоняемая тревогой и мрачными мыслями, я в рекордно короткие сроки собрала в мусорный пакет его и свою одежду, уничтожила следы операции и тщательно вымыла коридор и кухню.

Этого мне показалось мало. Несмотря на поздний час (а было начало третьего ночи), я, схватив мусорный пакет, села в машину и отправилась на поиски подходящих мусорных баков. Те, что были в моем дворе, по понятным причинам, не устраивали, и, не придумав ничего лучше, я забралась в соседний район.

Избавившись от следов чужого присутствия, не без страха, я вернулась домой. Внимательно обследовала всю квартиру и убедилась, что никаких перемен за время моего отсутствия не произошло. В очередной раз проверила замки и для надежности придвинула пуф к входной двери. Плюхнулась на него сверху и облегчением вздохнула. Вопрос «Что это было?» вертелся на языке.

Однако, не имея достойного ответа, я сочла за благо лечь спать. Сны мне снились один страшнее другого, оттого наступление утра стало сродни празднику.

Едва проснувшись, я поспешила на улицу. Как говорят в кино, осмотреть место происшествия. Или преступления?

Только торопилась я напрасно, кто-то явно меня опередил. Стены арки и асфальт были тщательно вымыты и едва ли не блестели (исчезли даже нецензурные и околоцензурные надписи). Те же метаморфозы произошли и в подъезде, и в лифте. Кажется, даже моя дверь стала чуточку светлее.

Я зябко поежилась и, уткнувшись носом в шарф, обиженно произнесла:

– Все чудесатее и чудесатее...

Последующие несколько дней ничего особенного не происходило. То есть они были насыщены до предела и полны волнений, но о ночном происшествии ничего не напоминало. А в среду, блаженно растянувшись с книжкой на софе, я была потревожена назойливым звонком в дверь.

Гостей я не ждала, оттого с явным недовольством поплелась открывать. За дверью, широко улыбаясь, стоял кругленький коротышка с большой коробкой в руках. Видеть его раньше мне не приходилось, я удивленно спросила:

– Вы к кому?

– К вам, – ошастливил он. – Я курьер торгового дома «Конфитюр».

О модном доме я слышала – рассказывала безнадежно больная шопоголизмом Ленка. Если верить ей, то в его роскошных залах продавались изделия лучших домов мод в мире и цены были королевскими. Только для королей то есть.

– Э-м-м, вы уверены, что не ошиблись? Я ничего не заказывала.

– Уверен, – еще шире улыбнулся коротышка и, ловко всучив мне коробку, поспешил к лифту.

В этот момент из кабины вышла соседка напротив, и это позволило ему тотчас ускользнуть. Не успев больше и слова сказать, я растерянно хлопала глазами и машинально продолжала держать в руках тяжелую коробку.

Поймав недоуменный взгляд соседки, я смутилась и поспешила скрыться в квартире, запоздало промямлив:

– Здравствуйте.

Ровным счетом ничего не понимая, я прошествовала в гостиную и водрузила коробку на диван. Переминаясь с ноги на ногу, несколько минут бестолку на нее таращилась.

– Это совершенно никуда не годится!

Хмуро констатировала я и сорвала крышку. Против ожидания, никакой пакости не произошло. Скорее, наоборот.

Глазам моим предстала великолепная шубка из белоснежной вязаной норки. Охнув от неожиданности, я вытащила ее из коробки и с большим интересом рассмотрела.

Соблазн примерить рос с каждой секундой, но я с ним боролась. Ведь совершенно очевидно, что эту вещицу сюда доставили по ошибке и нечего трогать чужие вещи.

Тут я обратила внимание на еще одну коробочку, вернее, бархатный футляр. Отложив шубку, я бережно взяла его в руки и открыла – браслет с бриллиантами и сапфирами переливался и искрился на черном бархате.

Я быстро захлопнула футляр. Сомнений быть не может –

посылку доставили по ошибке, и я просто обязана вернуть ее либо владелице, либо отправителю. На худой конец, в магазин.

С целью найти хотя бы какой-нибудь контакт, я принялась обследовать коробку и практически сразу нашла карточку. На шелковой бумаге красивым почерком было написано: «Моей бесстрашной спасительнице. Твой Эй».

– И совсем я не бесстрашная, и совсем он не мой, – обиженно сказала я неизвестно кому, и отчего-то стало очень грустно.

В обыденных заботах и хлопотах зима пролетела незаметно. Я осваивалась на новой должности и готовилась к важному этапу в своей жизни – ремонту. Пока только морально, но и это требовало сил.

Будничная суэта не оставляла свободного времени, и этому я была рада. Нет времени – нет тоски. Она была погребена под каждодневными важными и не слишком делами, и я отчаянно старалась, чтобы так оно и оставалось.

Наступила весна. Вернее, наступила она в календаре, и яркий букет тюльпанов на картинке был тому свидетелем. Реальность же, как это часто водится, разительно контрастировала с ожидаемым.

В этом я убеждалась в данный конкретный момент, пытаясь проехать по заснеженной дороге и не улететь в кювет. Но никакие метеоусловия и прочие напасти не могли оста-

новить меня на пути к семейному празднику.

Завтра мой самый лучший в мире дедушка праздновал день рождения – 83 года. По этому случаю вся семья собиралась на даче. Я обещала приехать пораньше, чтобы помочь с подготовкой, оттого сразу после работы села за руль и помчалась к ним.

Дача находилась в Лебяжьем, который хоть и именовался поселком, все же входил в территорию города. Однако по расстоянию вполне мог претендовать на полноценный пригород. А в плохую погоду, с учетом потраченного на дорогу времени, на отдаленный пригород.

Так, вместо привычных сорока-пятидесяти минут, потратив на дорогу почти два часа, я добралась до дома. Мои усилия увенчались успехом, и потраченные нервные клетки хоть и не восстановились, но окупились сполна.

Въехав во двор, я помахала родным ручкой (дедуля и бабуля уже ждали меня у окна) и полезла в багажник. Из дома, наскоро накинув куртки, выбежали братья. Расцеловав меня в щеки, они похватали пакеты и, шутя на ходу, поспешили в дом.

Следующий день прошел в приятной и задорной подготовке к празднику. Именинник сиял от радости и с большим удовольствием снимал пробу с каждого угощения. К обеду он подустал и задремал в кресле в гостиной. Заметив это, я выгнала племянников в детскую на второй этаж и сходила за пледом.

Бережно накрыв дедушку, собралась уходить. Но, похоже, нечаянно его разбудила.

– Посиди со мной, Агуша.

Поняв, что дедушка проснулся, я виновато улыбнулась и села на спинку кресла, бережно взяв его горячую ладонь в свою.

– Все ли у тебя хорошо, родная? – ласково спросил он.

– Конечно, – бодро сказала я. – На работе попривыкла, коллеги даже сплетничать поменьше стали за спиной. Сашка с ремонтом обещал помочь. Хорошо иметь брата-строителя.

– Я не об этом, – не купившись на звенящий оптимизмом голос, сказал дедушка.

Мне вдруг стало грустно и стыдно, будто я намеренно лгала ему. Утаить от дедушки что-либо я никогда не могла. Опустив глаза, я разглядывала плед. Он не торопил, гладил мою ладошку, словно боялся, что я замерзну.

Мне всегда казалось, что из всех людей на планете понять меня всецело может только он. Возможно, даже лучше, чем я сама. Оттого я тихо сказала:

– Иногда мне кажется, что я заблудилась.

– Это из-за него? Твоего Хорошего?

– Нет, – покачала я головой. – С этим все ясно. Я не жалею. Вообще ни о чем не жалею, все идет своим чередом. Говоря офисным языком, риски минимальны, выбор оптимален, цели достижимы.

– Однако есть «но»?

– Куда без него? – улыбнулась я и, помолчав, продолжила. – Мир такой большой, дедушка, такой интересный и мною непознанный. Мне же стало казаться, что я смотрю на него из окна поезда, проезжая мимо все самое важное и интересное, и толком даже не знаю, куда еду. И хочу ли быть там, куда ведет меня дорога?

Дедушка понимающе улыбнулся и прочитал:

Мне скулы от досады сводит:

Мне кажется который год,

Что там, где я,– там жизнь проходит,

А там, где нет меня,– идет!

Я поцеловала его в макушку и, поймав смеющийся взгляд, спросила:

– Высоцкий?

– Он самый, Владимир Семёнович.

– Как раз про меня.

Дедушка вдруг стал серьезным. Мудрый взгляд его темных глаз заставил вновь почувствовать себя маленькой девочкой. Ребенком, которому ничего не страшно, потому что рядом дедушка и нет секретов и тайн, потому что все ему расскажут и объяснят.

Я робко посмотрела на дедушку, а он сказал:

– Нет людей, у которых жизнь словно по линейке начер-

чена – так только со стороны завистникам показаться может. Все мы куда-то идем, петляем и иногда плутаем. Потеряться не страшно, страшно остановиться. А то, что заблудилась, так это даже хорошо.

– Чем же? – удивилась я. Дедушка загадочно улыбнулся и сказал:

– Саму себя, не заблудившись, не найдешь, Агуша. Ты главное ничего не бойся, и все будет хорошо.

Я поцеловала его в макушку и, прижавшись щекой к щеке, едва слышно сказала:

– Спасибо тебе. Я тебя очень-очень люблю.

– И я тебя, родная, – ответил он и, забавно сморщив нос, совсем по-другому добавил. – Теперь иди, я отдохну. Мне сегодня еще с бабушкиной настойки пробу снимать предстоит. Как-никак пять сортов в этом году, а она креплющая...

Я засмеялась и, чмокнув его еще раз, оставила отдыхать.

На кухне, занятая приготовлением разнообразных вкусовых, трудилась женская половина семьи. Заметив меня, тетка (она была у нас самой строгой), велела:

– Надевай фартук и садись – еще одни руки нужны позарез.

Полчаса спустя выяснилось, что в доме нет ни одной банки зеленого горошка. Одновременно с этим стало понятно, что единственным членом семьи, не угостившимся настойкой, стала я. Так и получилось, что злополучный горошек послужил причиной всех моих дальнейших неприятностей.

Ну, почти всех...

Меня отправили в магазин (ближайший к нам в зимнее время работал до пяти и успел закрыться), пришлось ехать в гипермаркет на шоссе.

Выезжая из поселка, я клятвенно себе обещала, что в следующий раз буду умной и настойку пригублю раньше всех. Сейчас же я считала ямы на дороге и пыталась разглядеть хоть что-нибудь за пеленой ни то снега, ни то дождя.

Путь мой пролегал по обледеневшей дороге, которая соединяла Лебяжье и пару садоводств с шоссе. Летом места здесь довольно оживленные, и граждане как пешком, так и на автомобилях показываются в любое время суток. Но в не сезон здесь и днем довольно безлюдно, а уж с наступлением темноты и говорить не приходится. Добавить к этому скверную погоду, и можно увидеть то, что наблюдала я – пустынная дорога со скудным освещением и ни души вокруг.

На маленькой скорости, вцепившись в руль и зорко поглядывая по сторонам, я потихонечку приближалась к своей цели. Еще каких-то два поворота, и я выеду на шоссе, а дальше минут пять-семь и добралась.

И все же, несмотря на досадную необходимость покинуть теплый и уютный дом перед самым началом праздника и вопреки всем метеоусловиям, настроение у меня было отличное. Пакостей от судьбы я не ожидала и в скором времени рассчитывала вернуться к семье. А зря.

Откуда ни возьмись, с явным намерением закончить

жизнь под колесами моей машины, нечто непонятное выскочило из-за кустов на дорогу. Громко завизжав, я с силой вцепилась в руль и попыталась уйти от столкновения.

Благо скорость была низкая, а полувековая сосна на полметра дальше, чем заканчивался капот моей машины.

Оглушенная страхом, я прикрыла глаза и просидела, не шевелясь, несколько секунд. Что произошло, а, главное, кто бросился мне наперерез, я так и не поняла – было слишком темно. Это мог быть кто угодно: и человек, и животное. Например, лиса или даже лось (зимой они здесь чувствуют себя вполне вольготно).

Набрав в легкие побольше воздуха, я взяла из бардачка фонарик (заботливо положенный туда дедушкой) и решительно вышла из машины.

Тишина стояла потрясающая, даже гул с шоссе не доносился. Тихонько шумели сосны, и громко билось мое сердце – пожалуй, и все.

Посветив фонариком на дорогу, я никого не обнаружила. Признаться, нечто сродни облегчению зародилось в моей душе. Удара не было, это я знала точно и в том, что никому не навредила, не сомневалась, но проверить не мешало. Теперь же, рассматривая совершенно пустую дорогу, я уверилась, что напугавшая меня тень принадлежала животному. Видимо, испугалась животинка не меньше моего и поспешила скрыться в лесу.

Странная смесь из радости, страха и досады переполнила

меня. Я покачала головой и пошла обратно к машине. Очень хотелось верить, что посторонняя помощь в том, чтобы выбраться отсюда мне не понадобится.

Мысли о возможных дальнейших неприятностях в виде вызова эвакуатора, общения со страховщиками и звонкам родным в разгар праздника охватили меня всецело и как-то разом. Тут-то капкан и захлопнулся.

Я почувствовала движение за своей спиной, но не успела даже обернуться. Кто-то грубо схватил меня и зажал рукой рот. Хриплый голос приказал:

– Не ори.

Учитывая, что я при всем желании этого сделать не могла, а от страха и вовсе, кажется, такую способность потеряла, пожелание сие было довольно странным. Не менее странным оказался тут же появившейся в голове вопрос о том, водятся ли в наших лесах маньяки.

Похолодев от страха, я замерла как вкопанная. Так были или нет в этих лесах маньяки? А если да, то что мне теперь делать?!

Тем временем, расценив мое молчание как готовность к сотрудничеству, обидчик убрал руку и резко развернул меня лицом к себе.

Я зажмурилась и сжала сильнее фонарик – он представлялся мне единственным шансом на спасение. Как минимум, я смогу огреть маньяка по голове и...

– Очуметь...

Мой обидчик со смешком произнес всего одно слово и больше ничего не предпринял. Вновь воцарилась тишина. Подождав некоторое время, я осмелела и открыла сначала правый, а потом и левый глаз.

Напротив стоял мужчина. Он внимательно рассматривал меня, и взгляд его прямо-таки искрился смехом.

– Очуметь...

Это настала моя очередь изумляться, и плагиатом я не побрезговала. Друг друга мы рассматривали не меньше минуты. Мне надоело первой. Резко развернувшись на пятках, я решительно пошла к машине.

– Знала бы ты, как я рад тебя видеть, – с насмешкой сказал он мне в спину.

– Не знаю и знать не хочу. И вообще, идите куда шли!

– Ты же не бросишь меня в беде? – глумился он.

– Еще как!

– А как же клятва Гиппократата?

– Как вы помните, я ее не давала.

Тут другая мысль посетила мою плохо соображавшую от нахлынувших эмоций голову. Я обернулась и с подозрением спросила:

– Вас что, опять подстрелили?

– Нет, – весело ответил он. – В этот раз повезло больше.

– Вот и славно, – кивнула я. – Идите куда шли.

Не тут-то было. Незнакомец ловко запрыгнул на заднее сиденье и нагло заявил:

– Друзей в беде бросать негоже. Подвези до города.

Великолепная улыбка украсила его лицо. Даже страшно подумать, сколько наивных дур на нее повелось и еще поведется (если, конечно, ее обладателя сегодня не пристрелят). Я же, наоборот, разозлилась еще больше.

– Вы действительно считаете это нормальным?! Я вижу вас второй раз в жизни, и каждый раз вы на меня нападаете! Да вам в тюрьме место!

– Ничего подобного, – обиделся он и разом погрузнел. – Мне просто не везет, и перед девушкой своей мечты я предстаю в невыгодном свете. Ужас, правда?

– Немедленно покиньте мою машину, – окончательно разозлилась я.

– Ты же не можешь бросить меня здесь? В такой мороз, одного, когда во круг кишат мои враги...

– Еще как могу!

– Нет, не можешь, – хитро посмотрел он на меня. – Ты хорошая девочка, а у хороших девочек всегда одна и та же проблема.

– Какая? – озадаченно спросила я.

– Они хорошие.

– А я думала, плохие мальчики.

– Не без этого.

– Вот поэтому их в природе больше и не водится. Перебили всех, а тех, кто выжил, такие, как вы, погубили – усмеялась я. – Выметайтесь.

– Нет, – лукаво улыбнулся он. – Одна все же осталась. Вымирающий вид. Моя единственная.

Закатив глаза, я завела мотор. Ослу понятно, что он не отступит, а спорить с ним дело бесполезное. Да, признаться, злить такого парня тоже не хотелось.

Удача неожиданно улыбнулась – из сугроба я выбралась без труда и с первой попытки.

– Я довезу вас до вокзала. Дальше сами.

– А как же прокатиться с ветерком и провести незабываемый вечер в такой великолепной компании?

– Великолепная компания – это вы что ли?

– Разумеется! Мне, кстати, кажется странным, что ты все еще зовешь меня на «Вы». Ты мне жизнь спасла и теперь навеки со мною связана. Так что, вполне можно обойтись без фамильярностей.

Такая наглость кого угодно из себя выведет. Вот и я не сдержалась, рука дрогнула, а вслед за ней вильнула и машина.

Чертыхнувшись, я выровнялась, а незнакомец, которого сильно потрянуло, сказал:

– Шучу-шучу.

– Не смешно.

– Это я уже понял, – хмыкнул он и покосился на мой мобильный. – Дай, пожалуйста, телефон.

Поймав мой недоверчивый взгляд, он, едва сдерживая смех, сказал:

– Ты ведь не думаешь всерьез, что я его украду?

Признаться, что подобная мысль промелькнула в моей голове, было отчего-то стыдно. Но смущало другое – по номеру телефона легко вычислить владельца, а куда он собрался звонить (и, главное, кому), я не знала. Впрочем, о подобных вещах думать явно поздно. Ведь он и так знает, где я живу.

Показательно нахмурившись, я протянула ему телефон. Набирая номер, он спросил:

– Как станция называется?

– Какая? – не поняла я и покраснела от досады. – Лебяжье.

Куда бы он не звонил, ответили ему сразу. Будто бы ждали звонка. К тому моменту мы ехали по шоссе и освещение было достаточным, чтобы я хорошо его видела. Но в этом не было ничего по-настоящему хорошего. Выражение его лица, а главное, глаз, резко изменилось. В тихом спокойном голосе было столько власти и жесткости, что по коже моей пробежал холодок.

– Это подстава – меня ждали. Пришли за мной к станции Лебяжье. *Ему* я сообщу сам.

Не знаю, что ответили на том конце, но ясно одно – собеседник многословностью не отличался. Повесив трубку, незнакомец вновь стал симпатягой и, протянув мне телефон, ласково улыбнулся.

– Благодарю.

Отчаянно хотелось сказать ему какую-нибудь гадость, но я не успела. Мобильный ожил. Взглянув на дисплей, я по-

спешно сказала:

– Это меня. Ведите себя тихо.

Парень откинулся на спинку сиденья и с нескрываемым любопытством посмотрел на меня. Я лишь головой показала и поспешила ответить.

– Агуша, – раздался возмущенный дедушкин голос. – Куда это они тебя на ночь глядя отправили?

– Ничего страшного, дедуль, – поспешила я заверить его. – До магазина и обратно. Я аккуратно.

– Мужиков полон дом, а девчонку послали! Да еще одну! Что за поколение такое...

Дедушка еще немного побурчал, я, как могла, его успокоила и заверила, что совсем скоро вернусь. Незнакомец, не стесняясь, грел уши и то и дело чему-то улыбался.

– Между прочим, – ехидно сказала я, – подслушивать неприлично.

– Многое из того, что прилично – скучно. И наоборот. Тебе никто не объяснял? – усмехнулся он и посмотрел так, что я залилась румянцем.

Конечно же, моя реакция от его глаз не укрылась, и он залился раскатистым смехом. К счастью, больше терпеть это нескончаемое нахальство нужды не было. Притормозив, я довольно заявила:

– Ваша остановка.

Он без интереса взглянул на здание вокзала и припаркованную возле него вереницу такси. Я нетерпеливо заерзала

на сиденье и зачастила:

– Я ведь предупреждала, что отвезу вас только до вокзала. Ехать в город – совершенно невозможно для меня сейчас. У дедули день рождения, вся семья собралась, а тут вы...

Я осеклась и настороженно посмотрела на него. В его виде не было абсолютно ничего, что говорило бы о грозящей мне опасности. Он всматривался в мое лицо, и в уголках его губ таилась насмешливая улыбка.

– А ведь мы так и не познакомились.

– По-моему, вы неплохо справляетесь без всяких формальностей, – заметила я. – Ваша посылка пришла на мое имя. Забыли?

– Тебе понравилось? – оживился он.

– Вы напрасно потратились, – пожала я плечами. – Так что, будет лучше, если вы все заберете.

– Неужели не понравилось? – проигнорировав мое предложение, вроде бы расстроился он. – Совсем-совсем?

– Очень красивые вещи, – не стала спорить я. – Признаюсь, я все же не удержалась и померила. Но все же мне от вас ничего не нужно. Будет лучше, если ваши подарки достанутся той, кто их заслуживает и будет способна оценить.

– Таких я еще не встречал, – хмыкнул он. – До тебя...

Я поморщилась, а он вдруг спросил:

– Тебе не интересно?

– Что? – не поняла я.

– Ну, – засмеялся он, – хотя бы как меня зовут?

– Это излишняя информация, – поспешно завершила я.

– То есть, ты дважды мне помогаешь, но даже не хочешь знать кому?

Я почесала нос и честно сказала:

– Я очень надеюсь, что вы не какой-нибудь там маньяк или ужасный злодей, которой губит невинные души...

– Это точно не про меня.

– Очень рада. Остается верить, что это правда, – кивнула я. – А знать кто вы и даже ваше имя мне не нужно. Чем меньше нас связывает, тем лучше. Так что, прощайте.

Незнакомец ненадолго замолчал, а затем широко улыбнулся и заявил:

– Меня зовут Глеб. До встречи.

Если греческие боги пировали на горе Олимп, то отечественные воротилы на крыше двадцатипятиэтажного небоскреба с одноименным названием.

Великосветская публика с некоторой леностью прогуливалась туда-сюда по ресторану, который занимал всю территорию крыши. Угощалась замысловатыми закусками и изысканными винами. Гости званного ужина неспешно беседовали, дамы хвастались нарядами и украшениями, мужчины – победами на финансовом и любовном фронтах.

Рядовой гражданин, даже самый бойкий, оказавшись на этом празднике денег и власти, при всем желании почувствует себя не в своей тарелке. Пара ненароком услышанных

фраз и вовсе превратит его в соляной столб.

Я соляным столбом не стала, ибо к чужим деньгам и знакомствам относилась спокойно, но сбежать с этого мероприятия хотела неимоверно. Если уж до конца честно, то я испробовала тысячу и один способ вовсе сюда не попасть, но начальство продемонстрировало непреклонность, и вот я здесь.

Переминаясь с ноги на ногу, я с тоской оглядела присутствующих и с негодованием посмотрела на часы – стрелки сегодня совершенно никуда не спешили.

– Главный велел раньше девяти не уходить, – поймав мой жест, напомнила Ленка. Найдя тихое место в уголке крыши, мы решили коротать время в компании друг друга и быть как можно более незаметными.

– Бред какой-то, – обиженно сказала я. – Ему здесь по должности скучать положено, а мы на кой черт сдались?

– Ну, – отправив в рот закуску, сказала Ленка. – Ты же помнишь, что начальство сказал? «Империя», одна из крупнейших компаний России, наш самый любимый клиент. Клиент позвал на бал, мы и пошли.

– Дикость какая-то, – не унималась я. – На приемы такого уровня только первых лиц зовут, а мы всей гурьбой притащились.

– Не через забор же пролезли, – хохотнула Ленка.

– Все же, я считаю, что Главный что-то напутал, – упрямылась я.

– Нет, не напутал, – покачала она головой. – Я списки приглашенных сама видела, и мы там были. А Главный... Это для нас он «Главный», а для них...

Договаривать Ленка не стала, показательно отправила в рот канале и посмотрела со значением на оставшуюся в ее руке сиротливую шпажку.

– Еще вчера ты была на диете, – ехидно заметила я.

– Да? – вскинула она брови. – А я и не в курсе.

Мы рассмеялись. Немного подобрев, я напонила себе, что даже этот нудный вечер когда-нибудь кончится. Осталось совсем чуть-чуть, каких-то пару часиков...

Повернувшись к залу спиной, я посмотрела на раскинувшийся внизу город. Кто и стоял здесь внимания, так это он. Немного помолчав, Ленка констатировала:

– Великолепный вид.

– Да, это так, – кивнула я, чувствуя, как легкий ветерок щекочет шею.

Но долго любоваться панорамой не пришлось. За спиной послышался голос Главного, и с несвойственными ему заискивающими интонациями он произнес:

– А вот и они!

Я обернулась, да так и замерла, едва не выронив бокал с водой. Наши взгляды встретились, и... чувство, что меня водят за нос, надолго поселилось в душе.

И было из-за чего – пред мои ясны очи предстал Глеб. Тот самый тип с криминальными замашками, что напал на меня

сначала в подворотне, а затем в лесу.

Он смотрел на меня этим своим смеющимся взглядом лукавых темных глаз и улыбался. Это был все тот же парень, что я запомнила, но все в нем теперь казалось другим. Хотя, что именно?

Разве что одежда. Вместо окровавленной рубашки или испачканной в грязи куртки сшитый на заказ костюм-тройка. Он шел ему неимоверно. Но, поразительным образом, делал еще больше похожим на итальянского мафиози из голливудского кино.

– Агата, – требовательно позвал меня Главный, и я поняла, что уже не в первый раз.

Смутившись, я перевела взгляд на высокое начальство и кое-как улыбнулась. Он же расплылся в улыбке чеширского кота и елеиным тоном произнес:

– Глеб Константинович, рад познакомиться вас...

Дальше последовала небольшая, но пламенная речь о наших с Ленкой профессиональных успехах, достигнутых, конечно же, под его чутким руководством. Но ни я, ни Глеб ее не слушали.

Я сверлила его подозрительным взглядом, а он все также улыбался и смотрел на меня, словно на глупую девчонку. Ту самую, что разглядывает во все глаза великолепную новогоднюю елку, но никак не может увидеть под ней гигантскую коробку с подарком и таки осознать собственное счастье. Не дурочка ли, а?

Глеб протянул руку. Как современная эмансипированная женщина, я могла пожать ее по-мужски, на западный манер. Или, помня о том, что в моей семье женщинам руки только целовали, позволить и Глебу поступить также. Но ни один из вариантов мне не нравился.

Я спрятала ладони за спиной, лишив его какой-либо возможности коснуться меня, и гордо вскинула подбородок. Главный растерялся, Ленка, сразу же оттеснив меня плечом и зазывно улыбаясь, поспешила к Глебу (идея выйти замуж за богача всегда была ей любя). Он лишь усмехнулся и отделался дежурным комплиментом без намека на искренность.

Щеки мои запылали от гнева. Но эта странная ситуация разрешилась сама собой и самым неожиданным способом.

Ведущий, крайне популярная в этом году медиа-фигура, искрясь жизнерадостностью и излучая хорошо оплачиваемый оптимизм, бодро сказал:

– А сейчас мы приглашаем на сцену Глеба Константиновича Юсупова...

Что ведущий говорил дальше, я не слышала. Глеб, подмигнув мне, направился к сцене. Он шел сквозь толпу всех этих напыщенных людей, а они едва ли не кланялись ему. Он же до того ко всему этому привык, что давно перестал замечать.

Ловко поднявшись на сцену, заговорил приятным бархатным голосом. Его речь разлетелась по крыше, толпа смолкла, пытаясь уловить каждое слово.

Я в досаде закусила губу. Непонятные обида и горечь переполнили меня. И заставили действовать.

Поставив бокал на парапет, я решительно пошла к выходу. Немного замешкавшись, Главный поспешил следом.

– Агата, ты должна остаться. Юсуповы лично пригласили нас...

Я обернулась и с удивившим меня самым спокойствием сказала то, что вертелось на языке всю последнюю неделю:

– Простите, Аркадий Аркадьевич, но у меня другие планы на этот вечер и менять их я не намерена.

Ошалев от такой наглости, он даже не попытался призвать меня к порядку. Я беспрепятственно покинула ресторан, а вслед за этим и величественный небоскреб. Он, кстати, тоже принадлежал семье Юсуповых.

Однако сразу убраться восвояси не получилось. На ужин нас с коллегами привез водитель. Рассчитывая на трансфер, в офис я добиралась на общественном транспорте. Собственно, проблему особо трудной на зовешь – всего-то и надо, что найти такси.

Но его, как назло, поблизости не оказалось. Стремясь оказаться от этого места как можно дальше, я решительно направилась к проспекту.

Здесь надо признаться, что моя решительность никак не желала совпадать со скоростью – десятиметровые шпильки тому виной. И все же я не сдавалась и, распрямив плечи, упрямо шагала к перекрестку.

– Далеко собралась?

Не было совершенно никакой нужды оборачиваться, чтобы понять, кто вышагивает за моей спиной. Я и не стала себя утруждать. Ответом тоже.

– Чего ты злишься, а?

Этот вопрос я тоже решила проигнорировать. Но Юсупов был не из тех, кто позволяет подобное. Легко обогнав, он преградил мне путь.

– Поговорим?

– Давай, – кивнула я. – Как погода? Нравится? Мне – очень.

– Чего ты дуришь? – обиделся он.

– Я? – удивилась и даже по сторонам огляделась. – Точно я?

– Ладно, – миролюбиво сказал он. – Признаю, в моей голове эта встреча выглядела иначе.

– Как именно?

– Как минимум ты не должна была так сильно на меня разозлиться...

– Это еще не сильно.

– Бывает и хуже? Я рад, что не совсем облажался...

– У тебя сегодня все шансы.

Разговор мне не нравился, и я попыталась пройти дальше. Он не позволил. Ухватил за руку и торопливо сказал:

– Слушай, я, может, в чем-то и не прав. Но...

– Но? – поторопила я. Глеб нахмурился и сердито сказал:

– Ты мне нравишься. Очень. Понятно?

– Ты видел меня всего два раза в жизни!

– Вот именно! И оба раза был... не в форме.

– А-а-а, – догадалась я и даже тихо засмеялась, только смешно не было. – И ты решил все исправить?

– Как-то так.

– Показаться во всем блеске и величии? Не забыв продемонстрировать семейные связи и более чем прозрачно намекнуть на капиталы?

– Лучше так, чем с пулей в груди...

Помолчав, я приблизилась и, заглядывая ему в глаза, спросила:

– Скажи, а согласно твоему плану... как быстро я должна была задрать подол, узнав, что ты Юсупов? Уже сегодня или мне разрешено подождать до завтра?

Терпеливым парнем Глеб не был, и это стало понятно практически сразу. Его лицо исказилось, в воздухе запахло грозой. К счастью, продолжать сей дивный разговор не было никакой необходимости, из-за поворота показалось такси.

Я поспешно взмахнула рукой. Машина сразу же остановилась. Он вновь схватил меня, на этот раз с силой:

– Агата...

– Не утруждайся, – попросила я и выдернула руку.

Больше удержать меня он не пытался. Как и хотела, я отправилась домой. А то, что всю дорогу отчаянно хотелось зареветь, так об этом знать никому не нужно.

Утром следующего дня, скрыв под пудрой следы тревожной ночи, я нарядилась в красивое платье и прибыла в Пулково. Часы показывали полвосьмого, а всякий знает, что бодрствовать в такую рань в субботу – сродни подвигу и нужна веская причина.

У меня она была. Дедуля и бабуля отправлялись в отпуск. На протяжении многих лет один из летних месяцев они неизменно проводили на юге. Когда-то это было Черноморское побережье, а последние лет пять – солнечная Испания.

Выбор страны объяснялся предельно просто. Мой троюродный брат, Пашка, купил на родине матадоров небольшой домик у моря. Племяшки-близняшки проводили в нем большую часть лета и осени, благо, что были они малы и в школу пока не ходили. А остальные члены семьи навещали их и жену брата по мере возможности и наступления отпусков.

Здесь я не удержусь и похвастаюсь– троюродных братьев у меня двое, оба старшие и как на подбор умны, храбры и красивы. К ним в комплекте шла сестра, Лёка, тоже старшая. Но она заслуживает отдельного описания. Целой повести, я бы сказала. Однако сейчас не об этом.

Так вот, несмотря на разницу в возрасте, детство мы провели неразлучно. Наша великолепная четверка шкодила, чудачила и росла вместе. Во взрослой жизни мы менее дружными не стали, разве что видимся реже, зато всегда как на праздник.

Кстати, зашивая господина Юсупова на своей кухне, я не врала, говоря, что вся моя семья – сплошные медики. Это чистая правда. Склонность к разным отраслям медицины в нашей семье прослеживается на протяжении нескольких поколений, и из ныне живущих только я да брат Сашка по стопам родных не пошли. Сашка решил стать архитектором, однако женился на окулисте, и это в некоторой степени смягчило его отступничество. Правда ненадолго, так как брак продержался всего полтора года (и это не считая развода, который отнял у брата еще год и чуть не стоил квартиры, которую он купил задолго до появления окулиста в его жизни).

– Агуша!

Громкий Сашкин голос я услышала через весь зал. Прохожие испуганно обернулись, охрана замерла в напряжении. Я же радостно помахала брату ручкой и поспешила навстречу.

Обнявшись и расцеловавшись, мы отправились к залу регистрации. Дедуля и бабуля прошли все необходимые процедуры, сдали багаж и, на прощание перекрестив нас, отправились к самолету. Сашка напомнил:

– Пашка встретит вас у выхода. Заблудитесь, сразу ему звоните.

– Не заблудимся, – отрезал дедуля. – Не маленькие.

Обняв нас еще раз, он бережно взял бабулю за руку и повел к зоне таможенного досмотра. Проводив их взглядом, я вздохнула.

– Чего это ты грустишь? – удивился брат. – Они еще уехать

не успели.

Ответить было нечего. Не объяснять же брату все, что на душе творится! Подтянувшись на цыпочках, я чмокнула его в щеку и сказала:

– Поехали сдаваться.

С сегодняшнего дня начался новый этап моей жизни – ремонт в квартире. И пусть никого не смущает столь пафосное высказывание. Перепланировка– это вам не обои поклеить, это ого-го...

Собственно, на этом мои познания о ремонте заканчивались, и в игру вступал брат. Не даром же он архитектор... Так вот, всеми работами руководить будет он, контролировать и надзирать за строителями (насмотревшись телевизора, я была твердо убеждена, что все они плуты и лентяи), тоже будет он.

А я... я буду жить весь месяц на даче и заботиться о собаке и коте во время отъезда дедули и бабули.

Понимая, как мне повезло с братом, я ласково погладила его по могучему плечу. Он засмеялся:

– Не пужайся. Все будет хорошо.

– Я в тебя верю, – закивала я.

Все мои вещи уже были перевезены загород, оставалось только забрать самое необходимое, умещавшееся в один чемодан и три коробки. За ними мы и заехали по пути в Лебяжье.

Брат практически сразу уехал. На уговоры искупаться и

пообедать не поддался. И осталась я одна. Вернее, с котом и собакой. С Валетом и Каштанкой.

В очередной раз вздохнув, я плюхнулась в кресло и пригорюнилась. На душе было беспокойно. Чувство, что грядут бури и перемены, не отпускало.

Валет – четырехкилограммовый толстяк – незаметно залез мне на колени и замурлыкал. Я машинально погладила его за ухом и снова вздохнула.

Кот жил с нами уже девять лет и когда-то был тощ как скелет от селедки. Он сам пришел в наш дом и остался навсегда. Над именем нового жильца долго не думали. Черный кот с белым пятном в форме карточного символа «червы» на грудке – имя напросилось само собой.

Над именем для Каштанки тоже долго не мудрили. Крохотным щенком ее нашла Лёка. Тетя была категорически против того, чтобы оставить «какую-то дворнягу» в доме, а дедушка – нет. Он забрал ее себе и холит уже десять лет. Маленькая дворняжка цвета каштана была очень умна и ласкова и умела не меньше, чем ее знаменитая теска.

Словно подтверждая свои таланты, Каштанка откуда не возьмись принесла полотенце и, положив его около моих ног, громко твякнула. Валет посмотрел на нее с неодобрением, а мне идея понравилась.

– Пойдем купаться?

Весело твякнув, умная псинка помчалась к калитке, а я поспешила надеть купальник.

В целом, если бы не к месту просыпающиеся мысли о вчерашнем вечере, мой день можно было бы назвать идеальным. Вдоволь накупавшись, я устроилась в гамаке с интереснейшим детективом и, забыв о реальности, жадно проглатывала страницу за страницей.

В тот самый момент, когда главную героиню и ее возлюбленного схватили и, связав, заперли в каком-то страшном подвале без надежды на спасение, над моей головой разнесло ехидное:

– Это ты так родную сестру встречаешь?

Не сразу вернувшись на грешную землю, я растерянно смотрела на Лёку и часто-часто моргала. Делать ей здесь было нечего, оттого замешательство мое вполне понятно.

Покачав головой, она велела:

– Подвинься.

Растянувшись на гамаке рядом со мной (при этом мы дважды едва не рухнули на землю), она недовольно посмотрела на яблоню, в чьей тени прятался гамак.

Проследив Лёкин взгляд, я ничего нового не увидела и причину недовольства сестры не нашла. Зато Валет и Каштанка ее даже и не пытались найти – сразу спрятались кто куда.

Взглянув на обложку книги в моих руках, сестрица изрекла:

– Во всем виноват блондин, бизнесмена тоже он кокнул.

Похищение – инсценировка, чтобы она отдала алмазы. В общем, напрасно отдавалась, любовью и не пахло – сплошной расчет.

Посмотрев на книгу с обидой, я почувствовала себя очень глупо, и прочитанные двести с лишним страниц теперь казались пустой тратой времени. Рассердившись, я спросила:

– Тебя каким ветром сюда занесло?! Ты еще неделю на Гоа должна быть.

– Должна, не должна..., – флегматично сказала сестрица, пожевывая травинку. – Буду с тобой отпуск коротать.

– Вот уж счастье привалило, – буркнула я. Теперь и мне под сенью яблони не так чтобы сильно нравилось. – Чего у вас опять случилось?

– Надоел, – пожала плечами Лёка. – И терпеть надоело.

В этот самый день, вместо того, чтобы портить мне удовольствие от прочтения книги, Лёка должна была расслабленно полеживать на пляже и попивать экзотические коктейли вместе с Серегой. Сего, на редкость терпеливого парня, Лёка повстречала два года назад, и с этого времени покой из его жизни исчез начисто.

Сколько раз они расставались и мирились, не скажу – сбилась со счета. Но несомненно то, что все их скандалы и примирения были достойны Оскара.

– Не так посмотрел на официантку? – догадалась я.

– Нет, здесь порядок. Когда я в бикини, по сторонам еще никто не смотрел. Если ты поблизости не ошиваешься...

Ехидное «ошиваешься» я решила проигнорировать, напомним себе, что сестра и без того в печали, со мной же скандалить – явно лишнее.

– Уделял работе больше внимания, чем тебе?

– Нет. Удивительно, но ему почти не звонили.

– Х-м-м...

– Не мучайся, – усмехнулась Лёка. – Надоел и точка.

– Интересно, – не унималась я. – С чем мириться придет?

– Может не приходиться – одна не останусь.

– Машину дарил, тур по Европе тоже. Квартиру еще год назад на тебя оформил... Тут никакой фантазии не хватит, – посочувствовала я парню. Напрасно.

Лёка тут же больно меня ущипнула. Пискнув, я потеряла плечо и обиженно сказала:

– Я-то здесь причем?!

– Притом. Не забывай, на чьей ты стороне.

– С тобой забудешь, – от греха подальше выбралась из гамака я.

Но взглянув на сестру, устыдилась – весь ее вид выражал вселенскую скорбь и большую обиду на судьбу. Стрелой метнувшись в дом, через пару минут я выглянула в окно кухни и заявила:

– Иди сюда.

– Зачем? – лениво отозвалась она, демонстрируя всю брэнность бытия в одном взгляде.

– Праздновать будем! Ты как-никак свободная женщина.

Желая продемонстрировать всю серьезность своих намерений, я победоносно подняла над головой бутылку шампанского.

Разом подобрев, Лёка откликнулась на мой призыв. Из укрытий показались Валет и Каштанка. Праздновать они тоже любили.

С восьмого марта осталось больше половины коробки с шампанским. Мы осушили три бутылки – именно это послужило залогом всех наших дальнейших неприятностей.

Однако, что это были именно неприятности, я поняла чуть позже (с этим даже Лёка спорить не смогла), сейчас же все происходящее казалось дико интересным приключением.

Ближе к полуночи, не придумав ничего лучше, мы отправились купаться. Благо, ночи в это время года белые и шанс свернуть себе шеи довольно мал. Хотя, как знать, может, так оно и проще было бы...

Как бы то ни было, удалые и веселые, напивая «Катюшу», мы отправились на озеро. Бравая Каштанка, взяв под опеку, плелась рядом и должно быть не слишком лестно думала о нас (в оправдание скажу, что утром мне было очень стыдно за свое поведение).

Лето в этом году было не по-петербургски жарким и солнечным. Посему уже в июне можно было купаться всласть, что мы и делали.

Лебяжье для купаний подходило как нельзя лучше. Рядом с поселком находилось несколько озер – одно другого краше, а сам он расположился на берегу реки.

Река разделяла два похожих, как братья-близнецы, поселка – Лебяжье и Уткино. Жители между собой хорошо ладили и общались постоянно. Даже дачники дружбу водили. И это несмотря на то, что до недавнего времени моста через реку не было, а чтобы навестить друг друга нужно было сделать огромный круг по дороге или перебраться на лодке, которая не в каждой семье имела место быть.

Однако на речку, которая была ближе всего, мы с Лёкой не пошли. Так уж завелось, что с самых детских лет всем окрестным водоемам мы предпочитали маленькое озерце за поселком. Оно притаилось в укромном местечке в окружении вековых корабельных сосен и носило говорящее название Призрачное. Знали о нем только местные, да и те не бадовали присутствием – репутация у озерца подкачала.

Жители обоих поселков искренне верили, что по его песчаным берегам любит прогуливаться приведение. В детстве и наша четверка в эти бредни охотно верила. Старший-младший брат даже, проспорив, всю ночь провел на берегу. Ни один призрак, кстати, во время его дозора замечен не был.

Так что, доподлинно зная, что местные сказки с правдой ничего общего не имеют, мы со спокойным сердцем ходили туда купаться и загорать из года в год. Нашему выбору немало способствовал тот факт, что озеро практически все-

гда было безлюдным. А значит, никто не шумел, шашлыки не жарил, а Лёка еще и топлес в свое удовольствие могла загорать.

Вот и сейчас, воображая себя оперными дивами (на трезвую голову едва ли дотянули бы до мартовских кошек), мы весело добрали к озеру. На ходу раздеваясь, Лёка бросилась к воде. Я последовала ее примеру. Смирившись со своей участью, Каштанка села на берегу сторожить одежду и зорко за нами присматривала.

Вволю накупавшись и набрызгавшись, тяжело дыша, мы повалились на песок. Забыв обо всем на свете, я любовалась прекрасным небом, шатром, раскинувшимся над головой, и, глупо улыбаясь, наблюдала за тем, как покачиваются макушки вековых сосен. В этот миг я была абсолютно счастлива и жизнь представлялась мне калейдоскопом удивительнейших и приятнейших событий.

– Ты это видела?

Не понимая, о чем речь, я сфокусировала взгляд на сестре и хотела о чем-то спросить, но забыла о чем. Лёка соображала не лучше моего, но сумела быстро разозлиться и вновь меня ущипнула.

– Тот факт, – обиженно сказала я. – Что ты старше меня на год, не дает тебе никакого права дискр... диск... дис... все время меня обижать!

Мою обиду Лёка даже не заметила. Чем-то напоминая сказочного персонажа (ту самую собаку, у которой глаза как

блюдца), она смотрела на противоположную сторону озера и силилась что-то сказать.

Губы ее шевелились, а слова упорно не появлялись. Заинтригованная, я посмотрела в том же направлении.

И остолбенела.

Зажмурившись и досчитав до трех, открыла ясны очи – не помогло. Потерла глаза ладонью – безрезультатно. Шепотом, стараясь не стучать зубами, сказала:

– Ты видишь то же, что и я?

– Если ты видишь призрак купчихи, то да.

Мы уставились друг на друга в оцепенении и испуге, стараясь не шевелиться и даже не дышать. Прошло не меньше тридцати секунд.

Где-то хрустнула ветка – это и послужило сигналом к бегству.

Громко завизжав, мы бросились наутек. Босые, мокрые, с ошалелыми глазами и растрепанными волосами, мы мчались по тропинке не оглядываясь. Следом едва поспевала громко лающая Каштанка.

Изрядно запыхавшись, ввалились в дом, заперлись на все замки и, чтоб уж наверняка, задвинули дверь креслом.

Вздыхнув с облегчением, испуганно переглянулись. Выглядели мы, конечно, чудовищно. Одно хорошо, купались не голышом, а то вошли бы в историю поселка не самым лучшим образом.

Однако этого нам показалось мало. Рассосредоточившись

по дому, мы принялись проверять все окна и запирали те из них, что были открыты. Не поленились даже на чердак и подвал залезть (то обстоятельство, что мы искали окно в подвале, красочно характеризует наши умственные способности в эту ночь).

Стряхнув паутину с плеча, Лёка уверенно заявила:

– Нас так просто не возьмешь!

Грозная Лёка принялась нарезать круги по гостиной. Выглядела она устрашающе и очень решительно. Мне же вдруг отчаянно захотелось спать, да и замерзнуть я успела.

– Будем дежурить!

– Чего? – дежурила я последний раз в школе – мел с доски вытирала, оттого мое удивление понятно.

– Дом сторожить, недотепа, – строго сказала сердитая Лёка и недовольно посмотрела себе под ноги (с мокрых волос на паркет успела накапать небольшая лужица).

Грозный взгляд и звенящий негодованием голос сестрицы произвели сильное впечатление. Я вновь перепугалась и отчего-то шепотом спросила:

– Думаешь, она явится за нами?

– Кто? – ошалела сестра.

– Купчиха.

– Может, – кивнула Лёка и облизнула пересохшие губы. – Без боя не сдадимся. Смена караула каждые полчаса.

Я согласно кивнула и, полная боевой решимости, расправила плечи. Мысль о том, как именно мы будем отбиваться

от призрака, ни одну из нас даже не посетила.

Впрочем, и дежурство долгим не было, не прошло и двадцати минут, как мы уснули, закутавшись в один на двоих плед.

Пробуждение было не слишком приятным. Первое, что я увидела с трудом разлепив глаза – браслет на Лёкиной лодыжке. С удивлением осознав, что вижу, я попыталась воскресить в памяти события прошлого вечера. Мне это удалось, но лучше бы не получилось.

Кряхтя и поскуливая (ни то от головной боли, ни то от стыда), я кое-как добралась до ванной. Долгий холодный душ помог прийти в чувство, и даже мысли в голову стали возвращаться. Одно плохо, вместе с ними явились и угрызения совести.

Лёку я обнаружила на кухне. Осушив две бутылки минеральной воды, она посмотрела на меня с большой печалью во взоре и тяжело вздохнула. Я плюхнулась на стул рядом и с благодарностью взяла протянутую бутылку минералки.

- Кажется, мы побили рекорд по идиотизму.
- Тебе не кажется.
- Как думаешь, соседи нас видели?
- Надеюсь, нет. В любом случае скоро узнаем.
- Ага, если бабуле с дедулей раньше не сообщат.
- Не каркай, – отмахнулась я.

Опасения сестры были мне абсолютно понятны. Еще со времен нашего детства власть в обоих поселках принадлежа-

ла вовсе на администрации, как можно было бы подумать, а Бабсовету.

Так жители поселков прозвали тройку гиперактивных местных жительниц, которые все про всех знали и постоянно вмешивались куда не просят. Слава старушенций и их вездесущность распространились далеко за пределы Лебяжья и Уткино, и они держали в страхе местную администрацию, районный отдел полиции, поликлинику, а председатель жилищного хозяйства и вовсе хватался за сердце при упоминании даже имени любой из представительниц Совета.

– Эти старые ведьмы чуть что сразу старшим жаловаться бегут... Ух, нет на них управы.

Я тяжело вздохнула и с тоской посмотрела на сестру. Что сейчас, что в детстве Бабсовет мы боялись одинаково, и не зря. Опасения наши тоже были не напрасны, путь к озеру пролегал мимо дома одной из его участниц, а значит, наши вчерашние вопли она вполне могла слышать.

– Ну и пусть, – сжала кулаки храбрая Лёка и решительно направилась к двери. – Мне не три года, и не им, каргам старым, меня судить. А к озеру вернуться надо, я там сарафан оставила.

– Лёка...

– Даже не думай меня останавливать! Я никого не боюсь!

– Но...

– А ну не трусь!

– Я не трушу. А тебе бы причесаться не мешало.

Лёка наконец посмотрела в зеркало. Отражение было не менее впечатляющим, чем оригинал. Растёкшаяся по лицу тушь, следы от подушки на щеке и в довершение умопомрачительная прическа а-ля «я упала с самосвала, тормозила головой».

Сестрицу как ветром сдуло, только топот на втором этаже и был слышан. Я посмотрела в умные карие глаза сидящей рядом Каштанки и виновато сказала:

– Если тебя утешит, мне очень-очень стыдно за свое поведение.

Добрая собака вильнула хвостом и, тьякнув, побежала к двери. Намек был понят правильно – не худо бы разбаррикодировать дом и выпустить несчастных животных на прогулку.

К возвращению сестрицы я как раз справилась с уборкой и даже успела проверить почту и телефон. Пропущенных звонков, непрочитанных смс и писем не было – это вселяло определенные надежды.

Пугая меня своей решимостью, размашистым шагом Лёка спешила к озеру. Я семенила рядом и то и дело оглядывалась по сторонам. Прохожих мы пока не встретили, соседи, как и положено в раннее воскресное утро, еще мирно спали или только приступили к завтраку.

А утро и правда было ранним – всего восемь на часах. Не даром говорят, сон алкоголика чуток. В такую рань встать еще умудриться нужно. Мы же не только проснулись, но и к

боевым действиям подготовиться успели.

Однако у дома одной из активисток Бабсовета даже Лёкин пыл поукас. Неожиданно свернув с дороги в кусты сирени, она прошептала:

– Помнишь, как мы купаться без спроса пошли, а она де-душке рассказала?

Поскольку маневр сестрицы я повторила с точностью синхронистки, то также тихо ответила:

– Помню. Нас неделю потом никуда не выпускали. Даже на Сашкин день рождения.

– А как я на свидание с Витькой пошла, а она маме доложила?

– Этого мне не забыть никогда.

– А мне-то как? До сих пор задница от ремня болит.

– Да, тетка у нас суровая.

– Нормальная.

– Утром она тебе с ним видеться запретила, а вечером уже Степанова звонит. Разозлилась она тогда – мама не горюй.

– А нечего запрещать было, – вспомнив былое, обиделась Лёка. – Мне Витька, между прочим, не так уж и нравился. Пока у любви нашей препятствий не возникло.

– Любовь всего два свидания и длилась, – хохотнула я.

– И это, кстати, героизм в чистом виде. Ни одна женщина его больше, чем час не вытерпит. А я два вечера, чтобы маму позлить, на него убила.

– Вот и дозлилась.

– Если бы всякие не стучали, все бы обошлось.

– Ему не меньше твоего тогда попало.

– Он мужик, значит, по штату терпеть положено. А помнишь...

– Мы так до пенсии вспоминать будем, – фыркнула я. –

Не похоже, что она в доме. Может, к внукам уехала?

– Хорошо, если так...

Решив, что настала моя очередь быть храброй, я вылезла из кустов и зашагала по дороге. Лёка поспешила следом, ухватив меня за руку, чтобы было не так страшно.

Дом Степановой мы миновали без приключений, но, только свернув на тропинку к бору, смогли вздохнуть с облегчением.

Призрачное озеро встретило ровной гладью прозрачной воды и золотом песчаного берега. Все наши вещи лежали в том же порядке, что мы их бросили. Переглянувшись с Лёкой, мы расхохотались. Смеялись долго и от души, а затем бросились в воду наперегонки.

События вчерашнего хмельного вечера казались несуразными и нелепыми, а мы себе дуры-дурами.

Растянувшись на песке, Лёка шурилась на солнце. Я блаженно потянулась и сказала:

– Как думаешь, он ее любил?

– Гусар купчиху? – сразу догадалась Лёка. – Надеюсь, что так. Иначе это уж как-то совсем обидно. Она утопилась из любви к нему, а ему и дела нет.

– Еще неизвестно, сама ли она утопилась или ревнивый муж помог.

Обхватив коленки ладошками, сестрица задумчиво посмотрела на противоположный берег. Я проследила ее взгляд.

На противоположном берегу возвышался величественный холм, заканчивающийся крутым обрывом у самого озера. На макушке холма красовался особняк никому неизвестного нувориша. Вернее, красовалась только крыша, так как за высоким забором и кронами сосен дома видно не было.

Но это сейчас, а когда-то и сам холм, и озеро, и все окрестные земли принадлежали совсем другому человеку.

Давным-давно жил да был в сих краях славных купец Севастьянов. И не простой, а первой гильдии – богатейший человек. Никто толком не помнит, когда это было – ни то в девятнадцатом, ни то начале двадцатого века.

Одно точно, прикупил он в Великом княжестве Финляндском землицы и построил дворец в миниатюре. С садами, парками, фонтанами и озером.

Ныне это озеро общественное, а тогда ходила по его берегу лишь купеческая жена и томно вздыхала о запретной, но сладостной любви своей к некоему гусару.

Была купчиха, звали ее ни то Софья, ни то Прасковья, хороша собой необыкновенно и младше мужа на двадцать с лишним лет. В какой-такой подворотне, то есть на каком пу-

ти, повстречался ей сей гусар и чем приглянулся неизвестно, но делиться купец не любил – это точно. Посему увез женушку подальше от столицы с ее соблазнами и балами и запер понадежнее.

Истории о том, как сложилась дальнейшая судьба купеческой жены различаются от поселка к поселку. В Уткино считают, что купец жену из ревности погубил (ни то удушил, ни то в этом самом озере утопил). В Лебяжьем, что купчиха померла сама – от несчастной любви зачахла и богу душу отдала. Третья версия о том, что купчиха утопилась в озере, дабы с мужем нелюбимым не оставаться, тоже в народе популярна, причем по обе стороны реки.

В одном жители обоих поселков сходятся – купчиха померла и призрак ее и по сей день бродит по округе.

Что стало с купцом и гусаром, история умалчивает. Имение Севастьянова кое-как просуществовало до революции и в канун красного октября благополучно сгорело дотла. Купеческая земля многие годы никому была не нужна. Лес поглотил остатки его владений и рос ни в чем себя не ограничивая на радость грибникам.

Но несколько лет назад здесь неожиданно началось строительство. Местные жители бурно протестовали и, что удивительно, были услышаны. Коттеджный поселок так и не был построен. Однако один дом все же остался. Его владелец как-то хитро оформил собственность на землю (еще до начала строительства), и даже суд признал его правоту. Местные

жители повозмущались да успокоились – о возобновлении строительства речи больше не шло, а хозяин дома местным не мешал (собственно, его даже и не видел никто). Первое время всем было крайне интересно, что же творится за высоким забором, но потом поутихло и любопытство, а вот легенда о призраке все не забывалась.

– Купчиху практически каждый местный житель видел, – неожиданно разгорячилась Лёка. – По обе стороны реки!

– Я не видела, – лениво отозвалась я.

– Ты не местный житель – ты дачник.

– Дедуля и бабуля уже несколько лет как сюда насовсем переехали и тоже ничего не видели.

– И слава Богу! В их возрасте только призраков видеть не хватало.

– Хотя, после бабушкиной настойки и не то возможно... вопрос в количестве...

– Ты ведь не думаешь всерьез, что вчера мы видели *ее*? – приподняв поля шляпы, спросила я.

– Ну...

– Гну. Даже, если и была на том берегу девица в белом сарафане, то это ни о чем не говорит. Такой наряд и в твоём, и в моем шкафу висит. В жару без него невозможно.

– Все же...

– Это был кто-то из поселка или чья-то гостья, – отрезала я. – И вообще, нам должно быть стыдно – напугали бедную девушку своими воплями. Представляю, что она о нас поду-

мала.

Даже острая на язык Лёка не нашлась что возразить. Недовольно закусил губу и надолго задумалась, что-то чертя на песке. Эх, лучше б сестрица загорала спокойно и думами себя не утруждала.

Неожиданно она вскочила и с видом Александра Македонского, призывающего армию к бою, воскликнула:

– С сегодняшнего дня мы начинаем новую жизнь!

– Меня и старая устраивает, – поспешила заверить я.

– Дом-работа, работа-дом. Работа-работа и путешествие раз в году. Это тебя устраивает?

– Путешествие два раза в год, не ври.

– Это не жизнь – тюрьма.

Последняя фраза была произнесена с таким трагизмом, что на глаза мои навернулись слезы. Дрогнувшим голосом я сказала:

– Прекрати меня расстраивать. Завтра и так понедельник, и в 9:30 у меня первое совещание.

– Вот! – воскликнула Лёка и назидательно погрозила мне пальцем. – В этих никому не нужных совещаниях вся жизнь и проходит. Решительно, нужно что-то менять.

– Что? – шмыгнув носом, спросила я.

Сестрица ненадолго замолчала, сосредоточенно глядя себе под ноги. Тишина тяжелым покрывалом легла на плечи. Даже птицы перестали петь. Вдруг она посмотрела на меня и словно приговор вынесла:

– До конца года мы должны найти свою любовь.

– Ты действительно веришь, что очередной роман спасет тебя от будничной суеты? – хмыкнула я и потеряла всякий интерес к разговору. – Кидаться в чужие объятия, чтобы на пару часов забыть о рутине – выше моего понимания.

– Дуреха, – обиделась сестра и плюхнулась рядом. – Я говорю о любви настоящей, той, что на всю жизнь. Никаких чужаков и случайных связей. Все всерьез, по-настоящему.

– Не пари горячку, двух дней не прошло, как вы расстались с Серегой...

– А ты со своим Хорошим уже полгода как, и что?

– И то. Любовь на дороге не валяется.

– Сидя на диване ее тоже не найдешь.

– Смотря где искать. Вот Людка через интернет за венгра замуж вышла. Душа в душу живут, вино делают.

– Пусть живут, пусть делают. В гости съездим. Но Людкин метод – не наш вариант. Мы на живца ловить будем!

Очередную рабочую неделю я начинала с некоторой опаской. В кабинет прошмыгнула как можно незаметнее, общение с коллегами вознамерилась сократить до минимума и, если совсем честно, с удовольствием тихонечко сидела бы в одиночестве и никого не слышала и не видела.

Причина столь антикоммуникабельного поведения объяснялась просто – я всерьез опасалась, что мое столь стремительное исчезновение со званного вечера без внимания не

осталось. А значит, кости мои перемыты и ситуация, описание которой и на два предложения не потянет, раздута на несколько томов самым мелким шрифтом.

В выходные меня подобные мысли не тревожили – было о чем подумать, зато сегодня с самого утра одолели.

К моему большому сожалению, календарь был забит встречами и долго прятаться не было никакой возможности.

– Привет! – словно каравелла, всплыла в мой кабинет Ленка.

– Здравствуй.

– Что-то ты бледненькая какая-то...

– Николаева из налогового сказала, что излишне загорела – всем не угодишь.

– Ну, Николаева – знатная врунья, не слушай ее. Я однажды послушала, экспертизе ее доверилась, а Главный меня в разгар совещания чуть из кабинета не выгнал. Благо, премии не лишил.

– Кстати о Главном, – перешла в наступление я. – Как прошел ужин?

– Божественно, – закатив глаза к потолку, пропела Ленка. Похоже, о моем побеге она позабыла или просто не обратила внимания. – Я твердо намерена выйти замуж.

– Так, ты уже...

– Ныне это не проблема. Один штамп убрала, другой поставила. Было б ради чего. Ради кого то есть.

– Муж твой в курсе столь радикальных настроений в се-

мейной лодке?

– Зачем ему лишняя информация? – плотоядно улыbnулась она. – Пока альтернативы нет, и тот, что есть, сгодится. Какой-никакой мужичонка с зарпачонкой.

– Я пораньше ушла, – перешла к наболевшему. – Главный ничего не говорил?

– Нет, – пожалала Ленка плечами. – Видать, занят был. А что ушла, так это хорошо – для меня.

– Почему это? – насторожилась я.

– Конкуренции меньше, – без намека на шутку сказала Ленка.

– От конкуренции тоже польза есть.

– Это какая же?

– В форме держит, расслабляться не дает.

– Это когда дело всяких профурсеток касается. А ты алмаз редкий, ценный – вот и нечего нас, простых смертных, затмевать. Сиди дома, гладью вышивай.

– Я гладью не умею, только крестиком.

– А хоть бы и так, – вдруг разозлилась Ленка. Я же поспешила напомнить, что у нас через пять минут совещание, и этот странный разговор удалось прекратить.

До обеда мой день развивался более-менее гладко. Ленка то и дело недобро посматривала в мою сторону, но я утешала себя тем, что Босс о нашем последнем разговоре и слова не сказал. Один один, как говорится.

А вторая половина дня подкачала. Вернувшись с очеред-

ной встречи, я обнаружила на своем столе изысканный букет. Должна признать, что сам по себе букет заслуживает отдельного описания. Составивший его флорист был не просто мастером – творцом. Небольшой, выполненный в пастельных тонах, он приковывал внимание, и избавиться от него не поднялась бы рука ни у одной женщины, даже самой рассерженной.

Вот и я не смогла, хотя, конечно же, понимала, кто его прислал.

Залюбовавшись сим дивом дивным, я не сразу заметила карточку. Собственно, я ее и не заметила. За моей спиной появилась Ленка (положительно, сегодня от нее не было никакого спасения) и, недобро посмотрев на меня, приторно-сладко пропела:

– Какая красота. Новый поклонник?

Зорко приметив небольшой конверт, она выхватила его из букета и вознамерилась без спросу прочитать. В мои планы это не входило. Перехватив ее руку, я спокойно сказала:

– Пожалуйста, отдай.

Хмыкнув, она бросила конверт на стол и, колыхнув могучим бюстом, показательно удалилась. Не забыв хлопнуть дверью.

Я лишь головой покачала – поведение коллеги, с которой у меня сложились едва ли не дружеские отношения, не переставало удивлять.

Повертев конверт в руках, я достала небольшую карточку.

Перьевой ручкой на шелковой бумаге красивым почерком было написано: «Агуша, не сердись. Давай мириться? Хам из подворотни».

– Дурак, – констатировала я и невольно улыбнулась. Но по указанному ниже номеру телефона так и не позвонила.

Собираясь домой, я боролась с искушением забрать букет с собой и похвастаться Лёке. Но из вредности оставила на работе, о чем и грустила всю дорогу до дома.

От Лёки мое настроение не укрылось. Рассказывать ей о Юсупове я не собиралась – ведь придется поведать и о первых двух встречах (я же вознамерилась про них забыть и никогда не вспоминать). Однако сила моей воли дала слабину, я проболталась практически сразу и со всеми подробностями. Сестрица слушала меня с большим вниманием и несколько округлив глаза. Когда история моя подошла к концу, она откинулась на спинку стула и с возмущением спросила:

– Скажи-ка мне, младшенькая, почему это в нашей семье принято считать авантюристкой именно меня?

Я скромно потупила глазки. Лёка же, весело фыркнув, притянула меня за уши и расцеловала в обе щеки:

– Не горюй! Мы ему покажем, где раки зимуют.

– Вот еще. Буду я тратить время на этого зазнайку с бандитским замашками.

– Не будешь?

– Абсолютно. Я иду переодеваться и на пляж. Ты со мной?

– Спрашиваешь, – хитро улыбнулась она. – Конечно, с тобой, я ведь сегодня там всего четыре раза была.

– Да? – с некоторой завистью спросила и уточнила я. – И где именно вы купаться изволили?

– Купаться мы, Лёка Первая и Единственная, изволили на речке, где люди водятся. Но мимо дома Степановой проходить тоже не забывала – не спокойно мне как-то было. Мало ли что карга старая видела.

– Удалось пообщаться? – похвалив сестрицу за дальновидность, спросила я.

– А то, – довольно сказала она. – Правда, с третьей попытки.

– Не томи.

– Старушенции на выходных действительно не было. Она куда-то там с младшей внучкой ходила. Одним словом, не до нас, грешных, ей было.

– Повезло, – протянула и радостно потеряла руки.

С некоторых пор Степанова была трижды бабушкой. И похоже, все внучки имели шанс бабушкин характер перенять. А наблюдательность вместе с ним. Словно прочитав мои мысли, Лёка сказала:

– Старшая у нее глазастая. Всего двенадцать, а уже первый стукач на деревне. Чувствую, проблем с ней наберемся.

– Помнишь, как дедушка учил? Стукачу – первая палка.

– Сравнила, – хмыкнула Лёка. – То у нас. Я лет в шесть на Сашку пожаловалась, он с друзьями за сараем отцовские

сигареты курил. Обоих и наказали. Его за сигареты, меня за длинный язык.

– У Степановых, видимо, за тоже самое поощряют. Сдал ближнего – получи эскимо.

Как бы то ни было, о соседке мы решили не вспоминать. Чудачить не планировали, а настроение портить не хотелось. Вдоволь накупавшись, мы наскоро перекусили и отправились прогуляться.

Во главе с развеселой Каштанкой мы дошли до Уткино, купили по мороженому и отправились обратно (в отличие от сестрицы, мне надо было рано вставать и полуночничать я не хотела). Дойдя до моста, Лёка нахмурилась.

– Черти малолетние...

Ее недовольство объяснить было просто. С момента возникновения моста местные мальчишки использовали его как трамплин для прыжков в реку. И все бы ничего, да течение в этом месте было сильное, а глубина в несколько метров. После нескольких несчастных случаев детям прыгать было запрещено строжайше, но кто же родителей слушает?

Так и сейчас пятеро оболтусов прыгали друг за дружкой. Причем, один из них явно боялся и прыгать не хотел. Однако товарищей своих боялся сильнее (а может, слабаком показаться не хотел) и все же решился перелезть через парапет.

– А ну стой! – крикнула Лёка и устремилась на мост, я поспешила следом.

Заметив взрослых, мальчишки разгорячились и в пику

Лёке хором закричали:

– Давай-давай-давай...

Мальчик прыгнул. Как по команде мы бросились к перилам и, с силой вцепившись в них, уставились в воду. Вдруг ребенок показался на поверхности. Но тут же вновь исчез, не успев даже вскрикнуть.

Побелевшая Лёка молниеносно бросила сумку и собралась прыгнуть следом. Ее опередили всего на долю секунды.

Сосредоточив все внимание на непутевых мальчишках, мы даже не заметили, что были не единственными взрослыми на мосту. Незнакомый мужчина, видевший, что ребенок пошел ко дну, бросился на помощь.

Легко перемахнув через ограду, он скрылся под водой. Повисла звенящая тишина. Перепуганные шалопаи вцепились друг в друга и стояли в оцепенении, открыв рты. Лёка бросилась к берегу, я следом.

Наконец, незнакомец и мальчишка показали на поверхности. Мальчик не шевелился, не мог плыть сам. Лёка громко закричала:

– Сюда!

Мужчина поплыл на ее голос. Бросившись ему на встречу, мы вытащили ребенка на берег. Я не сразу заметила, что к нам присоединись еще двое мужчин.

Сосредоточившись, на мальчишке, Лёка прикрикнула на нас:

– Разойдитесь, нужен воздух. Агата помощи. Кто-нибудь,

позвоните в скорую.

Следующие несколько минут были откровенной мукой. Под руководством Лёки мы делали мальчишке искусственное дыхание. Но ничего не менялось. Его губы и лицо были иссиня-черными. Я не слышала, как испуганно плакали его друзья-сорванцы, не чувствовала взгляды окруживших людей. Но мне не было до них дела. Единственный, кто волновал меня сейчас – пухлый дуралей, чья глупость не должна быть оплачена такой чудовищной ценой.

– Раз, два, три...

Под громкий Лёкин счет мальчик содрогнулся и закашлялся. Следуя команде сестры, я отпустила его.

Только сейчас я заметила собравшуюся вокруг нас толпу. Поднявшись с земли, я строго сказала:

– С ним все будет нормально. Помощь не нужна, разойдитесь.

Жадные до зрелищ отдыхающие уходить не хотели, но остаться не осмелились. Оглядываясь и переговариваясь, вернулись на пляж. Спасший ребенка мужчина стоял тут же, рядом со своими друзьями.

Судя по их одежде, все трое занимались бегом и по счастливой случайности оказались здесь.

Невольный спасатель оказался высоким широкоплечим шатеном. Откинув со лба мокрые волосы, он сказал, обращаясь к одному из бегунов:

– Влад, возьми, пожалуйста, машину и развези детей по

домам.

Бегун справа дважды себя просить не заставил. Достал телефон и куда-то позвонил. Не прошло и пары минут, как показался джип «Инфинити». Перепуганные мальчишки, то и дело оглядываясь, загрузились в машину. Водитель тут же тронулся с места.

Скорой же понадобилось куда больше времени. Укутав ребенка в полотенце, мы остались ее ждать. Бережно поглаживая мальчишку по голове, Лёка сидела рядом с ним. Шатен неожиданно спросил:

– Замерзли?

Я вздрогнула от звука его голоса и не сразу поняла, что он обращается ко мне. Выжив из себя улыбку, сказала:

– Это нервное. Сейчас пройдет. А вы... вы молодец. Спасибо вам.

– Ваш брат?

– Нет. Я никогда этого шалопаю не видела. Был бы братом, всыпала бы ремня, не дожидаясь скорой.

Идея моя мальчишке не понравилась. Он вжал голову в плечи и испуганно посмотрел на Лёку. Усмехнувшись, она сказала:

– Я бы тоже всыпала. Но не буду. Оставлю эту почетную миссию твоим родителям.

– Кстати о родителях, – кивнула я и достала телефон из сумки (я бросила ее на берегу, благодаря чему средства связи не лишилась). – Продиктуй-ка мне их номер.

Если бы парень мог побелеть еще больше, он бы обязательно это сделал. Но не случилось. Вместо этого он погребальным голосом назвал номер.

Разговор с его матерью занял не больше пяти минут, но в памяти отпечатался надолго. Перепуганные родители приехали практически сразу, почти в одно время со скорой.

Под бдительным родительским взглядом мальчишку осмотрели и разрешили забрать домой. Усталый доктор, усмехнувшись в седые усы, сказал:

– Повезло тебе, парень. Сразу два ангела-хранителя тебя с того света вытаскивали.

Пожав руку моей сестре и Шатену, врач забрался на переднее сиденье кареты скорой помощи и отбыл на очередной вызов.

Родители бережно усадили шалопаю в машину и тоже поспешили уехать. Чувствовалось, что в жизни парня грядут испытания и начнутся они, как только он поправится, а родители отойдут от шока.

Шатен оглядел нас с сестрой и спросил:

– Вас проводить, сударыни?

– Мы совсем рядом живем, – пожала плечами я и, окинув взглядом Шатена, добавила. – Может быть чаю горячего? Замерзли, наверное...

– С удовольствием, – широко улыбнулся он. – Но одет не подходяще. Я Валентин.

– Ольга, – ласково улыбнулась Лёка. Сестрица явно

вспомнила о том, что на поиски «настоящей любви» ей осталось всего пять с хвостиком месяцев. – А это моя сестра, Агата.

– Рад знакомству, – демонтируя шикарную улыбку, кивнул он. – Все же, мне будет спокойнее, если доведу вас до дома. Не откажете?

– Будем признательны, – демонстрируя вселенскую радость, согласилась сестрица. Тут и «Инфинити» пожаловал.

Мы с сестрицей загрузились на заднее сиденье, Каштанка легла мне на колени, а Валентин сел рядом с водителем. Он едва успел поинтересоваться тем, что мы здесь забыли и где научились спасать утопающих, как показался наш дом. Не сумев скрыть разочарования, Валентин сказал:

– Путь был недолгим.

На прощание поцеловав нам руки и потрепав Каштанку за ухом, он уехал. Лёка проводила его мечтательным взглядом и томно пропела:

– Ах, какой мужчина...

– Ну, настоящий полковник.

– Иди в дом, – грозно сказала она. – Нечего каркать.

– Я не каркаю, – обиделась я. – А проявляю разумную осторожность.

– Вот и проявляй, а я в душ.

– Я туда тоже собиралась, – упустив свой шанс, пробубнила я.

– А нечего по сторонам щелкать, осторожность прояв-

лять.

– Хорошо-хорошо, – ехидно сказала я. – Так и быть, уступаю старшим.

Лёка на ходу взяла диванную подушку и, не оборачиваясь, кинула в меня, а попала в Валета. Он от неожиданности громко чихнул, Каштанка залаяла, а мы переглянулись и расхохотались.

Следующий день вновь был заполнен офисными заботами и привычной суетой. Утром мне позвонила довольная Лёка – она пообщалась с мамой вчерашнего ныряльщика и убедилась, что все с ним хорошо (не считая родительского гнева, обрушившегося на его непутевую голову). Эта новость изрядно подняла мне настроение, и держалось оно до самого вечера. А за пятнадцать минут до конца рабочего дня все пошло под откос. И виной тому неугомонный Юсупов.

Получив букет, по оставленному номеру звонить я и не думала. Мысли о Глебе также постаралась свести к минимуму – история с мальчишкой мне в этом очень и очень помогла. Да и вообще, много чести такому нахалу.

Однако, как выяснилось, нахальство Глеба я явно преуменьшила. Как и упрямство. Оттого должно быть так сильно удивилась, увидев его на пороге своего кабинета:

– Милая каморка, – оглядевшись, заявил он и, забыв поздороваться, плюхнулся в кресло для посетителей.

Кабинетик я свой любила, и прозвище «каморка» показав-

лось мне обидным. Тем более, что в век опен-спейсов иметь отдельный кабинет с большим окном – величайшая удача.

– Спасибо на добром слове, – кивнула я. – А ты, часом, адресом не ошибся? Эрмитаж подальше будет. Выходишь на Невский, поворачиваешь направо и до конца. Не заблудишься?

– Хочешь проводить? – улыбнулся он.

– Не особо, – пожала плечами я и поспешила прикрыть дверь (мимо прошмыгнула Ленка и, заметив Юсупова, изменилась в лице).

– Прогулки полезны для здоровья. Или тебе родственники-медики не рассказывали?

– Отчего же, говорили. Но есть один нюанс.

– Какой? – заинтересовался Юсупов и окинул меня таким взглядом, что пуговицы на моей блузке едва не расплавились.

– Чтобы здоровью не вредить, – как можно спокойнее ответила я. – Следует прогуливаться исключительно в хорошей компании.

– А я плохая? – хмыкнул он.

– Лично мне вы не симпатичны.

– Ценю твое откровение, – еще шире улыбнулся он.

– А я ваше время, – ележно сладко ответила я. – Не смею задерживать.

– Мы снова перешли на «Вы»?

– Именно.

– Учитывая, что между нами было...

В этот самый момент дверь моей каморки, то есть кабинета, открылась и вошел Главный. Последнюю фразу он, разумеется, слышал. Сбился с шага и, кажется, потерял дар речи.

Я разве что не завыла от досады. Щеки запылали, и желание спрятаться в шкафу или под столом завладело всеми моими помыслами.

А Юсупову и дела нет. Кажется, он даже рад. Во всяком случае, ситуация явно его забавляла, и он не собирался этого скрывать. По-хозяйски раскинувшись в кресле, он сказал моему работодателю:

– Аркадий Аркадьевич, рад видеть, присаживайтесь...

Босс кивнул и послушно сел на оставшийся свободный стул. Не то вспомнив о вежливости, не то по-царски приветная, Глеб протянул ему руку. Главный тут же ее пожал и, кажется, почувствовал себя увереннее.

– Полчаса назад у меня закончилась встреча с Виктором Витальевичем...

– Губернатором? – насторожился Босс, и глаза его предательских заблестели.

– Верно. Раз уж в здешних краях оказался, решил заехать, обсудить с Агатой Тихоновной, чем еще может быть полезна ваша фирма...

В дальнейшем разговоре я не участвовала. Главный красочно и довольно подробно расписывал перспективы совместного сотрудничества. Юсупов одобрительно кивал и изредка задавал уточняющие вопросы. Я же с каждым их сло-

вом все больше и больше чувствовала себя жалкой букашкой, оказавшейся в паутине безжалостных и всемогущих пауков.

Не вызывало сомнений, что ситуация, в которой я оказалась, может стоить мне работы (а в перспективе и карьеры). Сотрудничество, о котором мечтал Главный, возможно только если Юсупов изволит с нами работать. А желание его, само собой, зависит от моего поведения: правильным оно будет или нет.

Я внимательно посмотрела на Глеба. Он сидел к Главному в пол-оборота, и я могла лишь любоваться его профилем. Он был красавцем, спору нет. Но, как ни странно, привлекала, манила вовсе не внешняя красота. И при других обстоятельствах я непременно влюбилась бы в него и в омут с головой в это чувство бросилась.

Однако Юсупов ошибся в главном. Впрочем, это уже неважно. Решение я приняла, ему же спасибо за помощь в нелегком выборе.

– Аркадий Аркадьевич, – впервые за все время подала голос я. – Простите, что перебиваю. Просто рабочий день уже закончился, а я опаздываю на встречу, которую не в силах отменить.

Главный посмотрел на меня как на сумасшедшую. Глеб нахмурился. Я же поднялась и также спокойно продолжила:

– Возможно, вам с Глебом...

– Константиновичем, – помог мне Босс.

– Да, с Глебом Константиновичем будет удобно продолжить разговор в переговорной?

Не дожидаясь ответа, я демонстративно достала сумку из шкафа и бросила в нее телефон. Главный сдержался, хотя и чувствовалось, что готов организовать мне выговор с занесением в трудовую книжку прямо сейчас.

Взгляд Юсупова изменился, но он сказал обманчиво-дружелюбным тоном:

– Да, так будет удобнее.

Главный, окинув меня на прощание испепеляющим взглядом, вышел из кабинета, подхалимски попросив следовать за ним. Мужчины вышли. Я взяла стоявший на столе букет и не задумываясь выбросила в мусорное ведро вместе с вазой.

В этот момент я поняла, что Глеб за мной наблюдал и все видел. Они перешли в переговорную напротив, дверь за собой не закрыли, и мой кабинет был как на ладони. Что ж, пусть будет так.

Распрямив плечи, я закрыла дверь на ключ и прошествовала к лифту. Предчувствие того, что моя карьера пошла под откос, не покидало. В довершение всего в последнюю секунду в кабину лифта проскользнула Ленка.

Глаза ее лихорадочно блестели, а любопытство так распирало, что даже лицо перекосилось:

– Это же Юсупов, да? К тебе?

– К Главному.

– Я о нем в интернете читала... Ты даже не представля-

ешь, как он богат! А цветы, цветы он дарил?

Она продолжала засыпать меня вопросами, а я молчала, сфокусировав взгляд на одной точке. Осталось всего три этажа, два...

– Ну что ты молчишь?

Ленка вцепилась в мою руку, да так сильно, что я поморщилась от боли. К счастью, в этот момент двери открылись, мы оказались в паркинге.

– Ты прости, Лена, но я спешу. Ничего нового я тебе не скажу – интернет, в любом случае, более моего знает.

Ленка дернулась. Губы ее дрогнули в презрительной ухмылке. Окинув меня взглядом с ног до головы, она ядовито прошипела:

– Считаешь себя лучше меня? Напрасно... И не таким глаза выцарапывала. Жаба!

– Вот и славно, – вздохнула я. – Теперь мы все друг о друге знаем. Не стоит больше время терять.

Развернувшись на пятках, Ленка промаршировала к своей машине. Я поспешила к своей. Отчаянно хотелось зареветь, но я велела себе держаться и слезы беречь до дома.

Выехав за КАД я и вовсе решила, что слезам в моей жизни не место. Мне нужен исключительно праздник, а все, что неспособно его принести, нужно выбросить.

Подмигнув своему отражению, я сделала музыку громче и прибавила скорость. Спустя пять километров на глаза мне попала кондитерская, и, забыв о том, что пляжный сезон

в разгаре, я накупила разномастных пирожных.

Оказалось, очень кстати. Едва я приехала домой и в красках поведала Лёке о случившемся, как в дверь позвонили.

Прильнув к домофону, Лёка пропела:

– Кто?

– Валентин.

Мы с сестрицей удивленно переглянулись. Лёка на космической скорости бросилась наверх переодеваться, я пошла встречать гостя. Он шел по дорожке к дому под настороженными взглядами Каштанки и Валета, я же искренне ему обрадовалась.

– Вы вовремя, мы как раз собирались пить чай.

– Мне повезло, – засмеялся он.

– Скорее, нам, – принимая из его рук букет, заверила я и поспешно добавила. – Лёка, то есть Ольга, сейчас спустится.

Валентин, не зная куда деть второй букет, повеселел еще больше и вызвался помочь с угощениями.

– В нашем доме кухня принадлежит женщинам, – появляясь, сказала Лёка. – Так что, присаживайтесь на веранде, а мы сейчас вернемся.

Взяв из рук Валентина букет, она звонко поцеловала его в щеку и тут же вернулась в дом. Наливая кипяток в заварочный чайник с гжельскими завитушками, Лёка хитро прошептала:

– А он ничего, и кольца обручального нет.

– Отсутствие кольца – не показатель.

– Зануда, – кинув в меня веточкой мяты, заявила она. – Как я у него, по-твоему, паспорт проверю?

– А не проще просто спросить?

– И как это мне в голову не пришло?

– Вот уж не знаю...

– Зануда.

– Повторяешься.

– В общем, к кому бы из нас он не пришел, ссориться не будем, договорились?

– Я свою кандидатуру снимаю.

– Я тебе сниму! – погрозила мне кулаком сестрица. – Нечего мужиками разбрасываться. У нас сроки горят!

Я закатила глаза к потолку, желая продемонстрировать свое отношение к планам сестрицы, но тут заметила паутину в углу, и мысли сменили направление. Лёка, подхватив поднос, легонько подтолкнула меня вперед:

– Пирожные не забудь, растяпа.

В отместку я показала ей язык, а на веранду мы вышли одна другой милее. Валентин нас ждал, но вдруг заметно растерялся. Поскольку, помимо погоды, общая тема для разговора у нас была как минимум одна, с нее и начали.

– Я сегодня разговаривала с мамой мальчика, – сказала сестрица. – С ним все в порядке. Благодаря вам опасность ему не угрожает.

– Что вы, – запротестовал Валентин. – Моей заслуги здесь нет. Настоящая помощь ему потребовалась на суше. И ваши

действия, ваша смелость...

– Главное, чтобы вчерашний случай послужил ему уроком, – заключила я, дабы прекратить их спор.

– Вы так здорово плаваете. Профессионально занимаетесь? – невинно поинтересовалась Лёка и похлопала красивыми глазками.

Бьюсь об заклад, мысль о том, что Валентин профессиональный пловец появилась не столько в связи с его умениями, сколько с фигурой, достоинства которой трудно было скрыть даже под костюмом. Дорогушим, к слову.

– Занимался в юношестве, – кивнул наш гость. – Но сейчас времени нет. Пару кругов в бассейне до или после работы – мой максимум. И то в плохую погоду, а в хорошую я бегаю. Собственно, вчера я как раз был на пробежке, когда все случилось.

– Вместе с друзьями? – уточнила Лёка. Я тут же вспомнила, что он действительно бегал вместе с двумя крупными мужчинами.

Ее вопрос отчего-то смутил Валентина. Подумав, он аккуратно ответил:

– В какой-то мере. Я, кстати, даже и не знал, что по соседству со мной живут столь красивые девушки. Диву даюсь, что раньше никогда вас не встречал.

Два с лишним часа спустя я с удовольствием констатировала, что Валентин – изумительный собеседник. С ним невероятно интересно и комфортно проводить время, и есть

только одна проблема – стрелки часов идут слишком быстро.

Увы, но это заметила не только я. Взглянув на часы, он сказал:

– Вынужден вас покинуть, барышни.

Погрустнев, мы едва ли не хором предложили навестить нас еще раз. Он обещал непременно быть. Все то время, что он был у нас, водитель ожидал его в машине. Но мы вызвались проводить дорогого гостя. У самой калитки он неожиданно посерьезнел и сказал, обращаясь к сестре:

– Ольга, вы не возражаете, если я приглашу вашу сестру на ужин?

– Буду только рада, – улыбнулась она. – Агата не связана какими-либо обязательствами, и общество столь обаятельного мужчины пойдет ей на пользу.

– Ближайшие два дня я буду в командировке, поэтому заеду сразу после возвращения – в четверг в семь. Приятных снов.

Не успела я моргнуть, как Виктор сел в машину и уехал. Я так и стояла столб столбом, пытаюсь осознать произошедшее. Наконец, мне это удалось.

– Это что такое?!

– Парень любит брюнеток, – пожала плечами сестрица и пошла в дом. – Ясно как день.

С некоторых пор определить, что мы сестры стало довольно затруднительно. Вот уже несколько лет как Лёка пустилась во все тяжкие и нещадно экспериментировала со свои-

ми волосами. Причем, каждая новая прическа изменяла ее внешность кардинально. Этим летом она была блондинкой с каскадной стрижкой по плечи. Я же оставалась консерватором и из года в год носила длинные волосы, сохраняя натуральный цвет. Мою тягу к изменениям вполне удовлетворяли всякого рода прически, косы и отсутствие или наличие челки. Тем более, волосы у меня были темные, густые и слегка вьющиеся, так что заплетать было что, природа не обидела.

– Я не об этом!

– Да, – невинно спросила Лёка, плюхнувшись в кресло рядом с Валетом. – А о чем тогда?

– Почему это ты за меня решаешь идти мне на свидание или нет?

– Потому, – подняв указательный палец кверху, изрекла она. – Что ты слишком долго думаешь. А сейчас время не думать, а действовать.

– Ну, знаешь...

– Знаю, – хмыкнула она. – Что для сестры лучше. Да и сама посмотри. Парень хорош собой, не беден и не глуп. Редкое сочетание по нынешним временам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.